Алла Белолипецкая

КОМАНДИРОВКА В ОБИТЕЛЬ НЕЖИТИ

ЭЛЕКТРОННАЯ БУКВА 2024

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

18+

Проект "Ярополк"

Алла Белолипецкая

Командировка в обитель нежити

«Автор»
2023

Белолипецкая А. В.

Командировка в обитель нежити / А. В. Белолипецкая — «Автор», 2023 — (Проект "Ярополк")

1939 год. В старинном селе на берегу Оки происходит пять убийств, совершенных с превосходящей все мыслимые пределы жестокостью. И сельчане считают: это бесчинствует нежить, поднятая из могил местными ведьмами. Для расследования таинственного дела из Москвы прибывает старший лейтенант госбезопасности Николай Скрябин. Он состоит на службе в особом подразделении НКВД СССР: сверхсекретном проекте «Ярополк», под юрисдикцию которого подпадают преступления, связанные с оккультными практиками и деяниями инфернальных сущностей. Скрябин обладает способностями к ясновидению и даром телекинеза, но ведьмы выставляют против него целый отряд возвращённых к мнимой жизни мертвецов. Сумеет ли Скрябин одолеть их, положить конец колдовскому культу и спасти девушку, которую он успел полюбить?

© Белолипецкая А. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 5
Пролог 6
Часть первая. Старший лейтенант госбезопасности 11
Глава 1. Танец мертвых 11
Глава 2. Антинаучная чертовщина 20
Глава 3. Лодочник 25
Глава 4. «Пред ним живая голова…» 31
Глава 5. Явь и Навь 39
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Командировка в обитель нежити

Глава

Ведьма – колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суеверью народа, с нечистою силою. По поверью, есть ведьмы ученые и прирожденные; ученая ведьма хуже прирожденной.

В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Навы – древние мифические существа, насылавшие смерть; кроме того, слово навь означает мертвеца.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Пролог

Ноябрь 1920 года

1

Только два человека доподлинно знали, кто поджег храм Святой Параскевы Пятницы в канун престольного праздника: в ночь на 28 октября 1920 года по православному календарю, а по новому стилю – на 10 ноября. Эта деревянная церковка простояла на высоком берегу Оки почти три века: её возвели в начале 1650-х годов, незадолго до никонианской богослужебной реформы. И благодаря храму близлежащее село тоже стало зваться *Пятницким*, хотя древностью своей оно на столетия этот храм превосходило. Поселение, имя которому было – *Макошино*, возникло в здешних местах еще в середине XII века. Основанное через полтораста лет после Крещения Руси, оно, тем не менее, прозывалось в честь славянской богини Макоши: распорядительницы счастливого жребия, покровительницы прядения, ткачества и ворожбы. Ибо с незапамятных времен в окрестных сосновых лесах прятались и поддерживались кем-то в сохранности каменные алтари этой богини. Их так и не смогли уничтожить все до единого – ни по приказанию князя Владимира, ни по распоряжению патриарха Никона, ни даже по ретивому усердию большевиков.

И вышло так, что языческие капища в окрестностях села к концу 1920 года уцелели, а приходская Пятницкая церковь – погибла в огне.

В тот год девятое ноября по новому стилю выдалось вьюжистым. Поземка начала заметать еще с полудня, ледяной ветер пробирался даже под овчинные тулупы, так что после захода солнца сельчане почти все попрятались по домам. И прогуляться поздним вечером по селу вздумали только двое: высокая худощавая женщина, по самые глаза обмотавшаяся платком, и коренастый мужчина в черной тужурке, похожей на матросский бушлат, и в мохнатой шапке-ушанке.

Шли они к опушке соснового бора: в сторону храма и погоста. Причем только мужчина знал, что их двое. Женщина шла, не оборачиваясь и явно не ведая о том, что кто-то следует за ней. Вот – поземка зацепила край её юбки, задрала его к худым коленям сельчанки, и та приостановилась, чтобы одернуть подол. Однако своего преследователя – метнувшегося к забору одного из близлежащих домов – не углядела. Вот – мужчина наступил в темноте на стеклянистый ледок замерзшей лужи, громко хрустнувший под его сапогом, но – сельчанка, укутанная в платок, вновь ничего не заметила.

Единственная в селе улица закончилась, и впереди замаячил силуэт старинной деревянной церкви, стоявшей почти у самой воды. Лишь речной крутогор да несколько саженей песчаного берега отделяло Пятницкий храм от холодной, готовящейся к ледоставу Оки.

Возле самой околицы женщина чуть задержалась и огляделась-таки по сторонам – но не так, как оглядывается человек, чего-то опасающийся. Она словно бы высматривала во вьюжной ночи только ей ведомые знаки. И во время этой заминки мужчина – повалившийся наземь в неглубокий снег – успел изрядно замерзнуть и помянуть недобрым словом рано подступившую зиму.

Но вот одинокая путница вышла за околицу и зашагала дальше – быстро, но без видимой спешки. И мужчина решил больше не таиться: встал с земли и припустил за ней. Возле самой ограды погоста он её нагнал, окликнул, и женщина застыла на месте, резко и в раздражении, как отвлеченная от охоты кошка.

– Ты куда это собралась? – Преследователь хотел схватить её за плечи, но она – увертливостью снова напомнив кошку – от его рук уклонилась и ни слова в ответ не произнесла.

И тут же метель закружилась как-то особенно яростно, бросила целую пригоршню снега в лицо мужчины. Тот невольно зажмурил глаза, а когда снова открыл их – путница уже находи-

лась от него на приличном отдалении: ловко переступая через могилы, она шла по сельскому кладбищу.

– Стой! – крикнул он ей; но та лишь ускорила шаг.

Мужчина выругался, перескочил через невысокую кладбищенскую оградку и кинулся вдогонку.

А его односельчанка уже подошла к бревенчатым стенам Пятницкой церкви, которая имела в основании форму круга, и стала огибать её против часовой стрелки, чем-то присыпая основание стен. Мужчина в ушанке побежал еще быстрее, но запнулся о скамеечку подле одной из могил и упал, пропахав носом присыпанный снегом могильный холмик. С головы его слетела шапка-ушанка из волчьего меха, и он потратил с полминуты, пока нашаривал её в темноте и снова нахлобучивал.

Женщина тем временем обошла заметаемый снегом храм до половины – так что скрылась из виду. И её преследователь, ринувшийся обегать бревенчатые строение с противоположной стороны, с ходу на неё налетел. Был он гораздо крепче её телосложеньем и намного тяжелей, так что легко повалил негодяйку наземь – и придавил всем своим весом. Та стала извиваться под ним, стараясь высвободиться, но – по-прежнему не издавала ни звука. Она не походила сама на себя: её глядевшие из-под платка карие глаза словно бы подернулись черной болотистой пленкой; брови сделались гуще и чернее, а полоска лба над ними казалась вблизи изжелта-бледной, как восковая свеча. Примерно такого же цвета был и порошок с мерзким запахом, который сыпался из сжатого правого кулака женщины: им она молотила своего преследователя, целя в лицо.

– Да что ж ты творишь, дура! – закричал мужчина. – Опомнись!..

Но тут чернобровая крестьянка вывернулась-таки из-под него, вскочила на ноги – и уже в следующий миг мужик в ушанке обнаружил, что лежит он не у церковной стены, а посреди погоста, где невесть как очутился. А его односельчанка – почти родственница! – которую он битый час выслеживал, бежит себе вокруг церкви дальше. И на бегу с уст её срываются – отрывисто, как собачий лай, – какие-то неразборчивые, сумбурные, *вывихнутые* слова.

Мужчина хотел крикнуть ей ещё что-то – но голос отказал ему: внезапно он понял, что сейчас произойдет. И, когда стены храма по всей окружности вспыхнули ярким голубоватым огнем, он даже не удивился. Равно как не удивила его едкая вонь горящей серы, распространившаяся вокруг.

Кое-как он поднялся и вприскочку побежал к выходу с кладбища – к пожарной рынде, висевшей возле кладбищенских ворот. И принялся гулко ударять в неё, будя односельчан.

Пожалуй, они могли бы погасить огонь: Ока-то была рядом и ещё не замерзла. Но всё вышло иначе.

Когда жители села добежали до погоста, привлеченные заполошным звоном рынды, поджигательница каким-то образом оказалась в их первых рядах. И стоило только людям с ведрами и баграми ринуться к пылающему храму, как случился *провал*. Вокруг Пятницкой церкви, очертив правильную окружность, в один миг просело вдруг множество могил. Обнажились, как гнилые зубы, фрагменты почерневших гробов и скелеты в истлевших саванах. И взметнулось в морозный воздух облако могильного праха, такое густое, что все *пожарные* на время будто ослепли.

Было удивительно, что в образовавшийся ров провалились только два человека. Один упал грудью на стоявший торчком обломок чьей-то берцовой кости, и сельчане услыхали только последний – даже не вздох, а влажный всхлип несчастного. Второму повезло больше. Он съехал в ров на спине и крепко приложился затылком об один из *поваленных гробов*, однако даже сознания не потерял – тотчас принялся громко звать на помощь и отплевываться от забившей ему рот гробовой гнили.

Только когда гнилостное облако немного осело, добровольные пожарные смогли поднять наверх и раненого, и погибшего. Причем кольцевой ров, образовавшийся вокруг церкви, оказался столь широким и глубоким, что перебраться через него можно было лишь по очень длинным доскам.

Жители Пятницкого сыскали пригодные доски и притащили их на погост, но к этому времени от деревянной церкви остались одни руины. Неестественно жаркий огонь сокрушил и истоптал храм: смял его крышу и стены, поглотил алтарь и царские врата, зачернил и стер лики святых на старинных иконах.

2

Начало ноября 1920 года выдалось на удивление морозным и в тысяче верст к югу от Макошина – в Севастополе, последнем оплоте Белой гвардии в Крыму. Лишь 12-го числа мороз начал спадать, и к воскресному утру 14-го ноября уже основательно потеплело, а на солнце и вовсе становилось жарко. Но горожане словно бы и не стремились насладиться одним из последних теплых дней уходящей осени. В то воскресенье улицы города были почти пусты, магазины и рестораны не открылись. И лишь возле Графской пристани толпился народ, да подтягивались запоздавшие повозки обозов.

Петр Николаевич Врангель, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, тоже находился там, возле пристани. И картина, которая открывалась ему, давала хоть и малое, но упокоение его сердцу.

Два дня назад, ожидая скорого наступления красных, он отдал приказ: сухопутным силам для прикрытия погрузки войск и населения на корабли занять линию укреплений 1855 года – времен Крымской войны. Старые бастионы содержались в полном порядке, однако в Севастополе оставалось так мало боеспособных частей, что при атаке противника они могли только ценой своей полной гибели задержать его. Но – Бог не попустил: наступление Красной армии замедлилось. И сейчас уже было ясно, что эвакуация войск и погрузка на транспортные суда всех гражданских, не желающих оставаться под властью большевиков, пройдет благополучно.

Черного барона – высокого сухопарого человека в черной папахе, бурке и черной черкеске с погонами генерал-лейтенанта – видели и узнавали все. Ему кланялись люди в штатском, взмахивая платками и фуражками; ему отдавали честь военные; кричали «ура» пассажиры на переполненных кораблях, когда Петр Николаевич обходил бухту на катере. И он отвечал всем, кому только мог.

Ему тоже пора было покидать Севастополь. Но он не хотел делать этого, не произнеся последних, прощальных слов. И, когда его катер причалил к берегу, он пошел пешком, сквозь редеющую толпу, к гостинице «Кист» – трехэтажному, с белыми колоннами зданию, выходившему окнами на пристань.

Возле гостиницы, где располагалась оперативная часть штаба Главнокомандующего, еще суетились офицеры, готовя к погрузке последние документы и архивные материалы. А у самого крыльца собралось человек сто из числа горожан, да выстроились в две шеренги юнкера Алексеевского военного училища.

Петр Николаевич взошел на гостиничное крыльцо и замер, вглядываясь в лица тех, кто стоял перед ним – пытаясь навсегда запечатлеть их в своей памяти.

– Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю, – заговорил Врангель, обращаясь к этим людям, многие из которых плакали, не стесняясь. – Мы идем на чужбину, но идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье!1 [1]

[1] Цитируется по изданию: П.Н.Врангель. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В двух книгах. Книга вторая. Издано

Окончание этой речи потонуло в разноголосых прощальных возгласах, благословлениях, горестных вздохах и – как ни поразительно – аплодисментах! Все поняли: это было прощание. Главнокомандующий отдал приказ юнкерам грузиться на корабли. А затем и сам со своими адъютантами медленно пошел от гостиницы к дожидавшемуся его у причала катеру.

Но прежде чем Врангель поднялся на борт, кое-что произошло.

Бледный молодой человек в форме флотского инженера-механика пробрался к барону сквозь толпу, держа за латунную ручку небольшой ящичек из полированного красного дерева – такой, в каких обычно носят морские хронометры.

– Ваше превосходительство! – Молодой человек слегка запыхался от быстрого шага. – Вы забыли вот это!.. – И он подал ящичек барону.

Но тот не протянул за ним руки – пристально поглядел в изможденное лицо инженера-механика, спросил:

– А что же вы сами-то – остаетесь?..

Молодой человек сморщился, как от сильной боли, но потом переборол себя, твердо кивнул:

– Да, ваше превосходительство. У меня в Севастополе мать – она больна и не перенесет морского путешествия. А бросить её я не могу. Так что – я пришел только затем, чтобы проститься и передать вам прибор!.. – Он так и держал свою ношу на весу, не опускал руку.

– Нет, – барон вздохнул, – не обижайтесь, голубчик, но я эту машинку брать с собой не хочу.

– Но почему же? – Молодой человек изумился. – Неужто вы считаете, что у вас не будет в ней нужды там – вдалеке от Отечества? – Он взмахнул свободной рукой – указал на дымящий тремя трубами бронепалубный крейсер «Генерал Корнилов», на борту которого должен был отбыть Главнокомандующий.

И Петр Николаевич слегка отрешенным голосом произнес:

– *Потому что во многой мудрости много печали…* Екклесиаст был прав!

Инженер-механик на несколько секунд опешил, но потом вздохнул – и опустил руку с краснодеревным футляром.

– Что же, ваше превосходительство, тогда – прощайте. И храни вас Господь!

– Храни Господь и вас! – сказал Врангель. – Быть может, мы с вами еще свидимся когда-нибудь!

– Сомневаюсь, ваше превосходительство! – Молодой человек развернулся и побрел против течения толпы – прочь от пристани.

3

Минул год.

Врангелевский инженер-механик флота нашел место учителя физики в одной из севастопольских школ для детей рабочих – и почитал это огромным для себя счастьем. После падения Крыма новые власти произвели *преобразования*, коих не пережили многие его жители, Врангеля и в глаза не видевшие. И то, что под топор красного террора не попал белогвардейский морской инженер, лично с бароном знакомый, походило на чудо.

Да и в селе Пятницком произошли перемены – правда, куда более обыденные, не трагического свойства. Молодой человек по имени Владимир Рязанцев – архивариус из близлежащего уездного города – отыскал в летописи XV века упоминание о том, что село, где располагался сгоревший недавно храм, издревле носило имя *Макошино*. И развернул целую кампанию «за возвращение Пятницкому его исконного названия». Причем кампанию на удивление удачную: населенный пункт почти сразу и переименовали. Пусть даже кое-кто и высказывался против, предлагая назвать *точку на карте* в честь какого-нибудь героя революции, ну, или, на худой

перепечаткой с сокращениями из альманаха «Белое дело», книги V и VI. – Берлин, 1928 год. – С. 209-213.

конец – великого писателя. Однако уездные власти отвергли даже компромиссный вариант, предполагавший превращение Пятницкого в *Красномакошино*. Хотя впоследствии и выяснилось, что кроваво-кумачовый оттенок в наименовании пришелся бы селу в самый раз.

Часть первая. Старший лейтенант госбезопасности

Глава 1. Танец мертвых

Май 1939 года

1

Огромное, похожее на кишащую муравьями коробку из-под торта, здание на площади Дзержинского в Москве не засыпало никогда. Днем и ночью сюда приходили и отсюда уходили люди, съезжались и разъезжались автомобили, стучали на пишущих машинках девушки со строгими лицами, и сновали по длинным, как парковые аллеи, коридорам люди в форме и в штатском. Располагавшееся на Лубянке учреждение называлось в разные годы по-разному, и в мае 1939-го оно именовалось Народным комиссариатом внутренних дел СССР.

О том, чем это учреждение занималось, имели представление все. По крайней мере, так принято было думать. Но в чреве лубянского кита скрывались такие *разные разности*, о которых не ведали даже самые осведомленные наркомвнудельцы – за редким исключением. Не говоря уже о простых советских гражданах. Тайная анатомия *органов* включала в себя загадочные элементы, порожденные отнюдь не марксистской атеистической идеологией.

Сердцем этой тайной анатомии и являлся проект «Ярополк». Не занесенный ни в одно в штатное расписание, он занимался делами, само существование которых официально признавалось невозможным. А между тем каждому из участников секретного проекта было присвоено специальное звание, соответствующее системе Главного управления госбезопасности НКВД СССР. В положенный срок все они продвигались по службе, а при получении зарплаты расписывались в общей ведомости ГУГБ.

В этом смысле ничем не отличался от остальных и старший лейтенант госбезопасности Николай Скрябин, чье личное дело лежало сейчас в раскрытом виде на столе у руководителя «Ярополка» – человека, личность которого была засекречена почище самых сомнительных с идеологической точки зрения расследований проекта. Подчиненные знали, что к нему следует обращаться – *Валентин Сергеевич* или *товарищ Резонов*; даже подлинная фамилия его оставалась для большинства тайной. Не говоря уже о том, что никому не было известно его звание в системе ГУГБ. И ходили даже опасливые слухи, что никакого звания у него нет вовсе – поскольку в форме со знаками различия его ни разу не видели.

Однако в неведении пребывали не все. И сегодня, в четверг 25-го мая 1939 года, на Валентина Сергеевича иронически глядел с фотографии, приклеенной к листку по учету кадров, красивый молодой брюнет – один из немногих сотрудников, достоверно знавших, *кто* возглавляет теперь проект «Ярополк».

– Полагаю, – пробормотал Валентин Сергеевич, – вы, молодой человек, не на шутку удивились, когда услышали о моем назначении. – И руководитель «Ярополка» стал вчитываться в машинописные строки личного дела, которые сопровождались добавленными от руки комментариями.

Вначале, как и положено, в деле значились имя сотрудника, дата рождения и сведения о его семье:

Скрябин Николай Вячеславович.

Родился 16 (3) декабря 1916 года, место рождения – г. Петроград.

Отец – Скрябин Вячеслав Михайлович, нынешнее место проживания – г. Москва. Место работы – СНК СССР[2].

Мать – Антипова (Скрябина?) Вера Петровна, скончалась.

Тут же имелась рукописная вставка, сделанная, судя по почерку, самим Глебом Бокием – прежним руководителем «Ярополка», расстрелянным в ноябре 1937 года. Бокий написал – втиснув свои строчки между официальными данными: *Сведения об имени матери и её кончине представляются сомнительными. Скрябин был воспитан теткой матери – Вероникой Хантингтон (предположительно скончалась в 1934 году), бывшей подданной Британской империи.*

И это было еще что! Проникновение в советские органы госбезопасности воспитанника иностранной гражданки, казалось, конечно, делом немыслимым. Но дальше в деле Скрябина значилось дословно следующее:

Особые способности:

Телекинез – подтверждено.

Ясновидение (дальновидение) – подтверждено.

(Приписка Бокия: *Может обладать также спиритическими способностями широкого спектра, но достоверных данных нет*).

Особые знания и навыки:

Сведущ в теории и практике эзотерических учений.

Владеет технологией создания неодушевленных подобий (симулякров) живых существ – ?

Доступ к информации о проекте: уровень «А» (без ограничений).

И, наконец, следовало самое главное:

Участие в проекте «Ярополк» одобрено лично товарищем И.В. Сталиным.

Валентин Сергеевич захлопнул картонную папку и спрятал в сейф, что стоял позади его письменного стола. В деле Скрябина содержались также и дополнительные сведения, но руководитель «Ярополка» и без того знал достаточно о человеке, которого ожидал нынче днем. За четыре года в проекте «Ярополк» тот дослужился до специального звания, какого иным сотрудникам НКВД и за десять лет не удавалось получить – ведь старший лейтенант госбезопасности был равен майору в сухопутных войсках. Сейчас Скрябин являлся следователем по особо важным делам и, несомненно, мог считаться самым перспективным в «Ярополке» специалистом по *труднообъяснимым явлениям*.

И успехов своих Николай Скрябин достиг не только благодаря способностям по части эзотерики. Ему, помимо прочего, не было равных в том, что сухо именовалось *тактическим планированием* и *оперативной деятельностью*. Руководитель «Ярополка» не знал ни одного другого человека, которому с такой легкостью, будто играючи, удавалось бы придумывать и воплощать планы не просто хитроумные – планы невероятные, парадоксальные, на грани сумасшествия. Причем планы его почти всегда срабатывали. *Почти*. Но Скрябин, самонадеянный, как нередко бывает с очень умными людьми, этого *почти* не считал нужным принимать в расчет.

2

А сам Николай Скрябин, старший лейтенант госбезопасности, чувствовал себя в тот день измотанным, как никогда за все двадцать два года своей отнюдь не безмятежной жизни. В груди он ощущал одновременно и пустоту, и тяжесть, а все его мышцы словно бы стали деревянными. И причиной этому являлась потеря той малости, о которой он прежде даже и не

[2] Родственные связи героя – конечно же, вымысел автора. Однако и вправду существовал видный сталинский сановник, чья подлинная фамилия была Скрябин. В 1939 году этот человек, известный всем под партийным псевдонимом, совмещал посты председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и наркома иностранных дел.

задумывался! Всякий, кто заглянул бы сейчас в приемную руководителя «Ярополка» – просторную, с панелями из мореного дуба на стенах, – подумал бы, что дожидающийся аудиенции посетитель дремлет. Хоть глаза его – светло-зеленые, как китайский нефрит, с иссиня-черными крапинками вокруг зрачков, – оставались открытыми.

Секретарь, сидевший за столом в углу, скрипел перьевой ручкой; от начищенного паркета исходил густой запах восковой мастики; а за окнами всё отчетливее погромыхивал гром: надвигалась гроза, и темно-синие тучи затянули полнеба. Однако Николай ничего этого не замечал. Он размышлял о человеке, с которым ему нужно было увидеться сегодня: о Валентине Сергеевиче Смышляеве, который официально – умер в октябре 1936 года, и теперь был известен очень узкому кругу лиц под псевдонимом *Резонов*. До того, как его *рекрутировали*, этот человек успел побывать и московским студентом-правоведом, и актером, и режиссером, и участником кружка «новых тамплиеров», и даже – близким приятелем почти крамольного писателя Михаила Булгакова, с которым он родился в один год: 1891.

С творчеством Михаила Афанасьевича сам Николай познакомился задолго до того, как узнал о проекте «Ярополк»: еще когда учился в школе. Его бабушка Вероника Александровна – тетка его матери – как-то принесла в дом два затрепанных номера альманаха «Недра» за 1924 и 1925 годы. И в них Коля прочел произведения неизвестного ему тогда литератора Булгакова: «Дьяволиада» и «Роковые яйца», каким-то чудом прошедшие цензуру.

А вот книга самого Валентина Сергеевича – всего лишь труд по истории театра и актерскому мастерству – в 1936 году цензуру не прошла. И Николай подозревал: между этим событием и мнимой смертью автора существовала прямая связь. Как наверняка существовала она между появлением Смышляева на Лубянке и его знакомством с Александром Васильевичем Барченко – легендарным оккультистом, который вступил в «Ярополк» еще в начале 20-х годов. И *на самом деле* умер в апреле прошлого года: был расстрелян по приговору суда. Меньше чем на полгода пережил бывшего руководителя «Ярополка» Глеба Ивановича Бокия, под началом которого трудился много лет. Но даже Николай Скрябин – имевший допуск без ограничений ко всей информации, касавшейся проекта, – мог лишь гадать, каким образом все эти обстоятельства и жизненные пересечения привели бывшего актера и тамплиера Смышляева в самую засекреченную структуру НКВД.

Николай ощутил, как голову его повело вниз, и резко выпрямился на стуле, отгоняя и сон, и эти отвлеченные мысли. Думать ему следовало о деле, из-за которого он записался на прием к Валентину Сергеевичу. Хотя вместо этого мог бы уже ехать на поезде к морю. Или на автомобиле – в какой-нибудь подмосковный санаторий. Ведь именно сегодня, 25-го мая, у Скрябина – как и у всех, кто состоял в его следственной группе, – начинался отпуск.

Однако отбыть на отдых ему предстояло в лучшем случае с запозданием. И Николай даже не знал: хорошо или плохо, что никого это не обеспокоит? Ни жены, ни невесты, ни даже постоянной подруги у него не имелось. Колина мать давным-давно исчезла невесть куда, а его отец – крупный советский сановник – проживал отдельно с другой семьей. А белый персидский кот по кличке Вальмон – единственный его неизменный компаньон, – держался сам по себе, как ему и полагалось. Если хозяин решил не ехать в отпуск, предпочел остаться дома – так это было дело хозяина.

Впрочем, оставаться дома Николай как раз и не планировал. Просто не мог себе этого позволить – если хотел вернуться к своей прежней, условно нормальной жизни.

3

Валентин Сергеевич Смышляев – мужчина сорока восьми лет от роду, среднего роста, русоволосый, с высокими залысинами, и с удивительным лицом: одновременно и одухотворенным, и отрешенным, – встал из-за стола и прошелся по своему кабинету. Всякий, кто взглянул бы на него сейчас, мгновенно решил бы, что человек с таким лицом имеет прямое отношение к миру театра. И никак не может иметь отношения к лубянскому ведомству.

Из-за нешуточной грозы Москву в середине дня заволокли сумерки, однако Валентин Сергеевич света в кабинете не зажег. Мало того: он еще и задернул шторы на ближайшем к своему столу окне – когда подходил посмотреть, как по площади Дзержинского взбаламученными потоками катит дождевая вода. Валентин Сергеевич радовался полумраку в кабинете. Неровен час – Николай Скрябин, который должен был явиться в 15.00, заподозрил бы что-то, заглянув своему начальнику в лицо.

Смышляев снова сел за массивный письменный стол и взялся читать – уже не личное дело Скрябина, а другой документ: переданное ему накануне диковинное письмо. «Является ли хоть малая толика этого – правдой?» – гадал он. Затем слово «правда» сделало цирковой кульбит в его сознании. Валентин Сергеевич положил письмо под стеклянное пресс-папье и открыл верхний ящик стола, где лежал один-единственный предмет: лакированная кубическая шкатулка из красного дерева, с ребром сантиметров в двадцать.

– Может быть, – пробормотал он, – это ему и поможет. Хуже-то уж точно не будет – хуже просто некуда… – И он, длинно вздохнув, ящик стола прикрыл.

Тут часы в кабинете пробили три раза, секретарь доложил по внутреннему телефону о посетителе, и в двери вошел, громко стуча каблуками начищенных сапог, высокий молодой брюнет. Точеными чертами выразительного лица он походил на голливудского киноактера Кэри Гранта. Да и форма НКВД: гимнастерка цвета хаки с двумя красными эмалевыми шпалами в краповых петлицах и темно-синие бриджи с малиновым кантом – удивительно ловко сидела на нем. «Он тоже играет роль, – подумал Валентин Сергеевич, – ведь сотрудники «Ярополка» не обязаны носить форму даже в здании НКВД». И он указал вошедшему на один из стульев для посетителей.

– Я не советую вам, товарищ Скрябин, брать это дело, – сказал Смышляев. – Я не уверен, что оно вообще по нашей части – что следствие не пытаются пустить по ложному следу. – Он глянул на письмо, лежавшее под стеклянной глыбой пресс-папье. – Вам что-нибудь известно доподлинно об существах, которые именуются словом *навь*?

Молодой человек ответил после паузы – как если бы находился где-то в отдалении.

– У древних славян словом «навь» обозначались не-мертвые, – сказал он. – То есть, умершие люди с измененной физиологией, которые и после смерти продолжали существовать в мире живых. Ходячие покойники, проще говоря. А позже русские эзотерики стали именовать их *кадаврами*: от французского *le cadavre – труп*.

– Что-то наподобие симулякров, которые вы умеете создавать?

– Нет, – Скрябин покачал головой, – *симулякры* – это всего лишь безжизненные копии живых существ. Они сами по себе безвредны – в отличие от навей. Которые крайне опасны, если не знать, как с ними бороться.

– Ну, а вы, конечно, считаете себя специалистом по таким вопросам! – Смышляев придал своему голосу сарказм. – Впрочем, я знаю, что вы скажете: вас еще в 1935 году привлекли к участию в проекте «Ярополк». И свой юридический диплом с отличием вы защитили по секретной теме – «Криминология парапсихических феноменов».

– Всё именно так. И в дипломной работе я упоминал: в старину считали, что против враждебных людям созданий эффективны огонь, соль и железо. Но единственный надежный способ их одолеть – найти и нейтрализовать живого человека, который ими руководит. Да и автор письма думает так же.

– И что – руководитель у них всегда есть?

– Когда они совершают предумышленное убийство с последующим сокрытием улик – то да. Подобные существа сами не способны действовать столь организованно. Потому-то я и хочу поехать в это село – Макошино.

– Да что же вас в этом деле так зацепило? – воскликнул Валентин Сергеевич, ясно отдавая себе отчет, что переигрывает – но не представляя, что еще он может сказать или сделать.

– Конечно, случай серьезный: пять убийств, совершенных с особой жестокостью. Но ведь в Макошино уже откомандирован капитан госбезопасности Крупицын вместе с своими людьми. А все ваши подчиненные сейчас ушли в отпуск и с вами поехать не смогут.

– Я считаю, – сказал Скрябин, – что группе Крупицына без помощи проекта «Ярополк» не обойтись.

– А как же ваш собственный отпуск?

– Отгуляю в другой раз.

Смышляев невольно поморщился – и попытался скрыть это улыбкой. Но улыбка у него вышла неуверенная, колеблющаяся – он тут же сам это понял. И эта неуверенность не осталась тайной для его посетителя: молодой брюнет глянул на Валентина Сергеевича с неуместно сочувственным выражением.

4

Николай Скрябин видел, что Смышляев чего-то страшится. По каким-то причинам не хочет отпускать его в командировку. И это заставляло всерьез призадуматься. Ведь не с бухты-барахты Валентина Сергеевича взяли в «Ярополк». Скрябин знал, что его нынешний шеф имеет доказанные способности к ясновидению особого рода. И, к примеру, точно предсказал в свое время причину и год смерти польского лидера Юзефа Пилсудского.

Но ехать в Макошино Николай должен был. Он *видел,* какие вещи там творятся, и это повлияло на него самым скверным образом. Хоть видел он всё и не наяву.

Тот сон приснился ему во время его предыдущей командировки, когда он выезжал со своей следственной группой в Зауралье. Разница во времени с Москвой делала утренние подъемы непривычно ранними для него, а потому каждую ночь Николай засыпал, едва успев добраться до гостиничной постели. И тот раз не стал исключением. Дневные впечатления – разрозненные, наползающие одно на другое, – словно бы затянули его в глубокую черную воронку со стенками из какого-то мягкого материала, вроде войлока. Плавно сползая по ним, Скрябин очутился возле символического жерла воронки, заскользил дальше и – без всяких усилий вынырнул с её противоположной стороны.

И это был уже не зауральский поселок, а древнее село на окском берегу, название которого Николаю будто шепнули на ухо: *Макошино*. А заодно сообщили, что события, снящиеся ему, происходят прямо сейчас: субботним вечером 6-го мая 1939 года.

Он видел, как трое мужчин в серых комбинезонах, шли, вяло печатая шаг, по единственной сельской улице. И откуда-то знал, что троица эта – рабочие из строительной бригады. В Макошино, где располагалась центральная усадьба колхоза имени XVII съезда ВКП(б), они прибыли для дела самого прозаического: чтобы возвести новый коровник. Но Скрябину не просто было всё известно об этих троих – он сам словно бы сделался *ими*: всеми тремя одновременно. Так что мог смотреть их глазами и даже улавливать немалую часть их мыслей.

Фамилии у рабочих подобрались, как для анекдота: Руссков, Немцов и Поляков. И медленная их поступь объяснялась просто: двухчасовым застольем в канун выходного дня. Чуть впереди остальных шагал старший из трех – сорокалетний Егор Поляков. Следом, покачиваясь, брели двое рабочих помоложе: Иван Немцов, двадцати семи лет от роду, и совсем еще неоперившийся юнец – девятнадцатилетний Вася Руссков. Из бригады строителей числом в десять человек только эти трое решили тем вечером, что им *не хватило*. И пошагали на окраину Макошина, где, по слухам, проживала одинокая бабка, приторговывавшая самогоном.

Однако до места назначения они не добрались. Васю вдруг замутило, и он метнулся вдоль невысокого заборчика к задворкам одной из крестьянских усадеб. А друзья не бросили Василия в беде: побрели за ним следом. И видели, как его вырвало прямо на забор, примыкавший к чьей-то рубленой бане. Стены её всё еще источали влагу и жар, но париться в ней явно уже закончили: чуть приоткрытая банная дверь покачивалась на ржавых петлях.

– Хорошо бы и нам ополоснуться, – заметил Иван Немцов. – Да и Ваську надо бы…

Он не договорил: глаза его внезапно округлились, и он тотчас пригнул к земле голову Полякова; Вася же и так стоял, склонившись в три погибели.

От крыльца близлежащего дома в их сторону торопливо и скособочено шкандыбал старик, державший в руке увесистую корзинку, из которой высовывалось горлышко здоровенной бутыли с белесо-мутноватой жидкостью. Возле бани дедок покрутил головой – огляделся по сторонам. Однако троих строителей не увидел и быстро зашел внутрь.

– Вот бы посмотреть, что у него в корзинке, – прошептал Егор Поляков. – Небось, не только выпивка, но и жратва! Может, он замыслил тайком от своей бабки устроить в бане сабантуй – с такими же старыми грибами, как он сам…

Старик пробыл в бане не более минуты и выскочил оттуда как ошпаренный – уже без корзины. Он запер банную дверь на задвижку-вертушок, зачем-то перекрестился и заспешил обратно к дому.

– Ясен пень, – сказал Немцов, – он там еду и самогон оставил. Но сегодня он к ним, похоже, уже не притронется. А до завтра много чего случиться может! – И он со значением глянул на Егора и на бледного Васю.

– Что ты имеешь в виду? – деланно хмурясь, спросил Поляков.

– Да какого ж рожна мы карге старой будем за самогон платить, если здесь его можно даром взять?!

– Не-е, ребята, – с усилием выговорил Вася Руссков. – Вы – как хотите, а с меня на сегодня хватит. Погано мне как-то…

– А разве тебя кто заставляет пить? – Иван похлопал юношу по плечу. – Не хочешь – не надо, нам больше достанется. Зайдешь, посидишь с нами, а если в шайках вода осталась, ещё и морду умоешь.

– Так ведь это ж чужая баня! Нас не посадят за то, что мы туда вломились?

– Кто говорит – вломились? – подал голос Поляков. – Замка ведь на двери нет, так – чурбачок деревянный. Он ведь и сам собой отвернуться мог. Если что, скажем – проходили мимо, увидали открытую дверь, да и заглянули внутрь.

– Дело говоришь! – обрадовался Иван. – Заходим, мужики!

И они друг за дружкой вошли в закопченный и обветшалый предбанник, где в углу, под самым потолком, серело многослойным наростом осиное гнездо. На полу валялся прохудившийся медный таз, рядом – деревянный ковш с отломившейся ручкой, но корзины со снедью нигде видно не было.

– Может, не пойдем дальше? – предложил в последний раз Василий. – Всё-таки…

– *Всё-таки, всё-таки!* – передразнил его Иван. – Раз уж отворили дверь, обратно поворачивать смысла нету.

– Точно – нету, – кивнул Егор и первым прошел из предбанника в саму баню.

И здесь их ждал сюрприз.

От печи-каменки валил густой горячий пар, как будто на неё только что плеснули воды. Но не из-за этого Поляков остановился так внезапно, что Немцов, шедший за ним следом, врезался в его спину. Прямо на полу лицом к входу сидели, поджав под себя ноги, три обнаженные женщины – молодые и дьявольски хорошенькие. Егор Поляков, женатый вторым браком и имевший троих детей, при виде них ошалел, как мальчишка. Ошалели и Василий с Иваном.

– Ай да дед… – протянул Немцов. – Какие крали к нему в баню захаживают!..

А нагие красотки словно бы и не замечали гостей. Из корзины, стоявшей перед ними, они извлекли вареную курицу, разодрали её руками, и каждая принялась жадно обгладывать косточки на доставшемся ей куске. Они ели минут пять – и никто за это время не выговорил ни слова. Но затем «крали» оторвались-таки угощения и насмешливо глянули на застывших в дверях мужиков.

– Что ж вы стоите? – произнесли дамочки – как ни поразительно, слаженным хором. – Раз пришли в баню, мойтесь с нами!

И второй раз приглашать себя Руссков, Немцов и Поляков не заставили. Они мигом скинули всю одежду, по-турецки уселись на пол и принялись доедать и допивать то, что осталось от трапезы красоток. Правда, еда на вкус мужикам не особенно понравилась: её забыли посолить; так что они больше налегали на самогон. При этом Ивану Немцову бесстыдно улыбалась русоволосая девица с пышными формами, чья кожа в сумерках бани как будто отливала зеленью. И строитель начал уже примериваться, как бы ему с этой раскрасавицей забраться на полок.

Но не пройдошливый Иван, а скромник Вася опередил всех. Хлебнув-таки браги и по второму разу за вечер захмелев, Руссков приобнял за талию стройную блондинку, сидевшую подле него, и впился ртом в её губы, от которых пахло самогоном, а еще – чуть заметно – плесенью. Целовал он её самозабвенно, и не сразу заметил одну странность: дамочкина спина, по которой елозила его рука, вся состояла из влажных бугрящихся неровностей. На неё словно бы налипло что-то мылкое и мокрое. И паренек только успел подумать, *что* бы это могло быть, как ответ нашелся сам собой.

Третья раскрасавица – цыганистого вида брюнетка – вдруг поднялась на ноги, потянулась, будто в сладостной истоме, и проговорила, обращаясь к разомлевшему Егору:

– А потри-ка ты мне спинку, друг любезный! – И повернулась к Полякову тылом.

Не проглоченный глоток самогона выплеснулся у Егора изо рта. И бывалый мужик издал горлом звук, больше похожий на писк новорожденного котенка. Иван и Вася не поняли, что случилось, глянули на обнаженную «цыганку» – и обоих будто паралич разбил.

Там, где у брюнетки должна была бы находиться спина, не оказалось ничего. Точнее, не оказалось того, что принято считать человеческой спиной. На тыльной стороне туловища женщины – на пространстве от плеч до ягодиц – влажно поблескивали не прикрытые ничем внутренние органы, названий которых Руссков, Немцов и Поляков не знали. Боковые же границы между нормальным телом и страшной «требухой» пролегали там, где следовало бы находиться остриям лопаток. Вот только никаких лопаток у красотки и в помине не было. Как не просматривалось на её спине ни позвоночника, ни ребер. Оставалось загадкой, как при полном отсутствии костей женщине удается сохранять вертикальное положение? А главное: почему она ест, пьет и разговаривает, если вид у неё такой, будто она сбежала из анатомического театра?

И тут все три дамочки одновременно кинулись на облюбованных ими мужчин. Лишенные спин существа разъявили рты (губы их при этом растянулись до размеров совершенно несусветных) и на вдохе засосали в себя головы Васи, Ивана и Егора.

Скрябин, который и во сне ясно осознавал всё происходящее, мгновенно припомнил повесть Булгакова «Роковые яйца» – сцену гибели несчастной Мани, жены чекиста Рокка: *Затем змея, вывихнув челюсти, раскрыла пасть и разом надела свою голову на голову Мани и стала налезать на неё, как перчатка на палец*.

Ни один из строителей не сумел позвать на помощь. Но оказать сопротивление – когда, собственно, уже было поздно, – они всё же попытались. Их руки и ноги начали судорожно колотить по обнаженным женским телам, словно бы отбивая ритм в неком дикарском танце; однако длилось это недолго. Плотоядные «крали» за несколько секунд высосали плоть из кожи своих несостоявшихся любовников, как высасывают мякоть из маринованных помидоров. При этом сама кожа осталась снаружи, а все три освежеванных тела были поглощены чудовищами без остатка.

Впрочем, дамочки быстро выплюнули свою добычу – измочаленную, с переломанными костями. И, несомненно, Руссков, Немцов и Поляков уже были мертвы, когда их лишенные кожи тела оказались на полу.

На том и закончился первый *макошинский сон* Скрябина: зазвонил будильник на его прикроватной тумбочке.

А на следующую ночь Николай увидел макошинский сон под номером два.

5

Теперь он очутился в бревенчатом сельском доме – в небольшой квадратной комнатке с полосатыми обоями на стенах, с письменным столом напротив входной двери. Скрябин откуда-то знал, что это было Макошинское отделение милиции. И что участковый милиционер вызвал туда для допроса Евдокию Варваркину – жену Степана Варваркина: того самого старика, который приносил еду трем голым дамочкам.

– Может, вы, Евдокия Федоровна, в своей бане агентов иностранной разведки привечаете? – без малейшей иронии вопрошал участковый Семён Лукин. – Или врагов народа, которые потом где-нибудь ведут пропаганду? Агитируют против советской власти?

– Да побойся Бога, Сёмушка! – отбивалась крепенькая маленькая старушка с румянцем на щеках и с почти полностью беззубым ртом. – Какая пропаганда-агитация! Мы с дедом скоро восьмой десяток разменяем – о душе думать надо!

– То-то – что о душе, а не о харчах и выпивке! Я ведь смотрел, *что* там, в корзинке вашей осталось: скорлупа яичная, кости от вареной курицы, кринка из-под сметаны. Да еще и бутыль из-под первача! Кому, спрашивается, вы пир устраивали?

– Поди, ты и сам не знаешь – кому! *Им*, проклятущим! И твоя бабка, царство ей небесное, угощение для них в баньке оставляла. И многие другие сельчане – тоже. Ведь с тех пор, как церковь наша сгорела, житья от них не стало!

Рассказы о *навях* – живых мертвецах – Лукин слышал с самого детства. Но никогда в них не верил. Да и не возникало еще случаев, чтобы этим существам приписывалось убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору! По крайней мере, не возникало до сегодняшнего утра, когда к нему домой, не дав отоспаться в воскресный день, нагрянули старики Варваркины, а с ними – еще чуть ли не пол-Макошина. И объявили, что в их бане лежат три трупа, кожа с которых исчезла, будто её никогда и не было.

Обезображенные тела строителей находились теперь в подвале, что имелся под полом отделения милиции, а Варваркиных участковый запер в кладовке, заменявшей камеру предварительного заключения. Допросить престарелых супругов он решил по отдельности, и первой пригласил для разговора бабку Дуню. А старуха вздумала нести всю эту чушь…

Вздохнув, Лукин препроводил Евдокию Федоровну обратно в кладовку и вывел оттуда её мужа – сутулого, широкого в кости старика, с всё еще яркими черными глазами и с волосами мучнистой белизны. После чего битый час выслушивал тот же самый бред уже от него – пока не спровадил и Степана Пантелеймоновича обратно в КПЗ.

Было от чего прийти в отчаяние! Семён не считал себя человеком тщеславным, однако в глубине души рассчитывал, что к завтрашнему дню, когда в Макошино прибудет следственная бригада из райцентра (куда телеграфировали обо всём случившемся), у него будут уже наготове имена главных подозреваемых. А старики Варваркины уж никак не тянули на преступников, способных содрать кожу с троих здоровенных мужиков и перемолоть им все кости.

Участковый со вздохом достал из ящика письменного стола бланки протоколов допроса, но что в них заносить – понятия не имел.

– *Русский, немец и поляк танцевали краковяк*, – с мрачным выражением пробормотал он.

В этот момент дверь отделения милиции распахнулась, и в кабинет Лукина ввалился бригадир строительной бригады, звавшийся Тихоном Тихоновым – будто в насмешку над его трубным голосом.

– Ну, и кто с моими ребятами такое сотворил? – прямо с порога пробасил он.

Что мог ответить ему Лукин? Пересказывать то, о чем поведали Варваркины, он не решился. И преподнес бригадиру версию: Русскова, Немцова и Полякова заманили в баню неизвестные преступники, может статься – душевнобольные. Напоили мужиков до полного бесчувствия, а потом прикончили зверским способом.

– Да я этих изуверов голыми руками задушу! – Проревел бригадир и в доказательство выставил перед собой толстенные ручищи. – И не стану дожидаться, пока из райцентра приедут какие-то там следователи! Сегодня же, в ночь, пойду в ту баню и этих… (он произнес непечатное слово) там подкараулю. Коль они один раз там были, придут и вдругорядь!

С теорией о том, что убийца всегда возвращается на место преступления, был знаком даже Семён Лукин. А потому, ничтоже сумняшеся, он хлопнул бригадира по плечу и заявил:

– Вместе туда пойдем! Устроим засаду. Оружие у меня есть, и, кто бы в баню ни заявился, вдвоем мы их всяко повяжем!

6

На этом месте поразительный сон Скрябина словно бы скомкался – однако не закончился. Николай вновь очутился возле жерла черной воронки, только уже *под* ним – как будто в *глазу смерча*. И некая сила стала вталкивать его в этот *глаз*. Да и сам он помогал ей, как мог, поскольку осознавал: там, внутри черноты, он должен еще увидеть нечто – самое главное. Вначале его голову и плечи обволок мрак; затем он втиснулся в воронку до пояса; и, наконец, оказался внутри неё целиком, всем своим существом ощутив, что он скакнул вперед во времени – недели на три или четыре.

Он снова был в Макошине, но уже в начале лета. Трава стала густой и пестрела цветами, а вода в Оке переливалась бликами, отражая полуденное солнце. Николай – уже в своей собственной ипостаси – находился на речном берегу, а чуть в отдалении галдело на разные голоса несколько десятков людей, собравшихся у самой кромки воды. И двое из них – дюжие мужики – держали на весу оплетенный веревками сверток. Скрябин, тотчас уразумевший, как они собираются поступить с этим (*связанным человеком*) свертком, ринулся вперед, чтобы предотвратить новое убийство. И на бегу сумел рассмотреть, кого обвязали веревками мужики: перепуганную до смерти девушку, глядящую на него, Николая Скрябина, с мольбой и надеждой.

– Нет! – закричал Скрябин, выхватывая пистолет – который и во сне оказался при нем.

Он должен был спасти её. Девушка отчего-то рассчитывала, что он её спасет. Но он еще только бежал к ней, паля из пистолета в воздух и продолжая кричать «Нет!», когда её уже бросили в реку. И окская вода будто втянула её в себя.

А в следующий миг Николай Скрябин пробудился: сел на кровати в гостиничном номере. И громко – не сонным голосом, а ясным и звонким, – произнес:

– Не так! – Он и сам не знал, что хотел этим сказать.

Но дальше всё и вправду пошло *не так*: после этого сновидческого происшествия нормальный сон Скрябин утратил напрочь. Да, в последующие ночи он порой погружался в дремоту, сморенный усталостью. Но поутру испытывал ощущение, будто не спал ни минуты – поскольку совсем перестал видеть сны.

Глава 2. Антинаучная чертовщина

Май 1939 года
Декабрь 1937 года
1

22-го мая Николай вернулся в Москву, где по каналам НКВД быстро выяснил детали событий двухнедельной давности. И – да: они в точности совпали с его ночными кошмарами.

Узнал он и другое. В понедельник, восьмого мая, в Макошино прибыл следователь из районной прокуратуры по фамилии Петраков. И получил на руки уже пять трупов вместо трех: тел*а* Лукина и Тихонова отыскали в той же бане. Участковый и бригадир были освежеваны, как Русских, Немцов и Поляков. Одежда их валялась рядом – измятая и разодранная; очевидно, убийц она не заинтересовала. И так же, как в случае с первыми тремя жертвами, пропала кожа убитых мужчин.

Григорий Петраков, которому поручили расследовать это дело, тоже оказался уроженцем тамошних мест: родился в Пятницком в 1910 году, как выяснил Скрябин. Но, в отличие от участкового Семёна Лукина, простофилей он себя не выставил. Григорий Иванович сделал три вещи. Во-первых, он отпустил домой стариков Варваркиных. Во-вторых, взял подписку о невыезде со строителей, мечтавших бросить к чертовой матери наполовину возведенный коровник и бежать из Макошина во все лопатки. А, в-третьих, действуя через голову своего начальства, отправил донесение обо всем случившемся в Москву, на Лубянку.

Скрябин без труда получил доступ к этому занятному документу. Но, когда прочел его, поневоле усомнился: а точно ли всё это написал прокурорский следователь? Никогда прежде Николай не встречал прокуроров, которые изъяснялись бы подобным образом. Текст письма – если отбросить преамбулу и подпись – был такой:

Считаю своим долгом сообщить, что 6-7 мая с.г. в селе Макошино произошло нападение на людей со стороны сверхъестественных существ, которых принято именовать «навы» или «нави». Они, согласно верованиям народного язычества, представляют собой возвращенных к мнимой жизни мертвецов, которые ходят, питаются и разговаривают почти как живые. Разве что, у них нет спин. А посмертная анатомия навей претерпевает столь радикальные изменения, что они приобретают способность как ходить по земле, так и плавать под водой, равно как и принимать облик представителей фауны. Представать в людском обличье нави могут лишь после захода солнца, а в виде животных способны появляться когда угодно. По некоторым поверьям, нави могут выглядеть днем как лишенные перьев птицы.

Особо хочу отметить, что нави – в своем изначальном, человекообразном облике, – появляются среди живых спонтанно, без какого-либо участия сведущих в оккультных науках людей. Однако в дальнейшем такие люди часто влияют на действия навей, поскольку у тех наблюдается определенная мозговая дисфункция, и они обычно нуждаются в стороннем руководстве.

Прошу не считать мои слова бредом сумасшедшего или проявлением легковерия. В результате нападения навей убиты с особой жестокостью пять человек, чьи тела найдены с содранной кожей и переломанными костями. Причем сама их кожа так и не была обнаружена. Преступлениям этим присущ именно тот «modus operandi», который народные предания приписывают навям.

На основании вышеизложенного прошу направить в Макошино представителей НКВД, которые имеют опыт в расследовании преступлений, носящих иррациональный характер.

Это письмо Скрябин и передал на рассмотрение Валентину Сергеевичу. Однако к тому времени в Макошино уже выехала следственная группа из ГУГБ, возглавляемая капитаном госбезопасности Крупицыным. Обычная следственная группа – не из «Ярополка».

2

Смышляев явно был недоволен упрямством своего подчиненного. Но, удивив Николая, не стал собственное недовольство открыто выражать.

– Ну, что же, – сказал он, – похоже, мне вас не переубедить. Не скрою: я подозревал, что так и будет. Вот, – он взял со стола и протянул Скрябину толстую картонную папку, на которой едва стягивались тесемки, – это копия материалов из Макошина, присланных капитаном госбезопасности Крупицыным. Уверен, что он проводит расследование со всей тщательностью. Да вы ведь его знаете: работали с ним вместе в прошлом году – над делом *о шаровых молниях* в Крыму!

– Да, было такое, – сказал Скрябин, принимая папку из рук Валентина Сергеевича.

Николай хорошо помнил те «шаровые молнии». Год назад в районе Севастополя внезапно начались возгорания неясной природы. И ладно бы – загорались только неодушевленные объекты; сгорело заживо и несколько людей. Официальная версия гласила: всему виной – шаровые молнии. Однако этим делом заинтересовалась Москва. И следственная группа во главе с капитаном госбезопасности Крупицыным прибыла в Крым, где принялась с безрезультатным рвением искать поджигателей: вредителей и врагов народа.

Поиски шли полтора месяца – в течение которых сгорели два виноградника и *самовозгорелся* школьный учитель, умерший впоследствии в ожоговом отделении близлежащей больницы. Так что к расследованию подключили эксперта из «Ярополка»: Николая Скрябина. И он сказал тогда Крупицыну, как только ознакомился с деталями происшествий: «Пирокинез. Возможно, применяемый неосознанно».

Но лишь три недели спустя они нашли *её*: шестнадцатилетнюю девочку – ученицу той самой школы, где сгорел один из педагогов. И задержание школьницы едва не обернулось новой трагедией. Девочка подожгла причал, на котором сотрудники НКВД взяли её в кольцо: надеялись, что близость морской воды позволит избежать серьезных осложнений. Спасаясь от огня, наркомвнудельцы попрыгали в море, и один из них едва не утонул: не мог вынырнуть из-под груды рухнувших досок, которые и в воде пылали, словно их поджег «греческий огонь». Николай спас тогда коллегу, однако не стал афишировать, *как* ему это удалось. Школьница же сдалась только после того, как ей пообещали: её не отправят в тюрьму, а заберут – для изучения способностей – в Москву. Что и было сделано.

Но вот судьба следственной группы Крупицына после всего случившегося повисла на волоске. Знакомство с методами «Ярополка» (которого по документам не существовало вовсе) означало дилемму: либо группу нужно расформировать, а её участников признать психических невменяемыми и отправить *на излечение*; либо – они должны дать подписку о неразглашении любой информации, касающейся проекта. А заодно и получить уведомление о том, нарушение этой подписки будет квалифицировано как «покушение на основные политические завоевания пролетарской революции», что подпадает под действие статьи 58-прим УК РСФСР. И Николай тогда, год назад, поспособствовал тому, чтобы дело ограничилось подпиской.

3

– Я прикажу телеграфом известить Крупицына о вашем прибытии, – сказал Смышляев.

Но про себя подумал: вряд ли это поможет Скрябину наладить отношения с капитаном госбезопасности. За минувший год проект «Ярополк» получил особые полномочия: теперь его представитель становился куратором любого расследования, в котором участвовал. И было крайне сомнительно, что Крупицын придет в восторг, когда Скрябин приедет курировать (а фактически – контролировать) его следственную группу.

– Спасибо, Валентин Сергеевич. Я очень ценю ваше содействие. – Скрябин встал со стула – решил, что аудиенция окончена.

– Погодите, у меня для вас кое-что есть, – остановил его Смышляев. – Я запросил сегодня из хранилища вещдоков один артефакт: тот прибор врангелевских времен, который вы при-

везли год назад из Крыма. Возьмите его с собой – у меня есть *ощущение*, что он вам пригодится. – Он извлек из своего стола лакированный краснодеревный ящичек, снабженный двумя латунными ручками, и вручил его Скрябину – в надежде успокоить свою совесть.

Но всё равно, когда тот вышел, немедленно задался вопросом: а он, Валентин Смышляев, не убийца ли теперь? Молодой человек, с которым он только что говорил, находился в страшной опасности. А он даже не намекнул ему об этом.

Да, Валентин Сергеевич знал, что вмешиваться в ход событий ему бессмысленно – это никогда не помогало. То, что он *ощущал* – этого не удавалось изменить еще ни одному человеку. Предчувствия явно приходили к Смышляеву не со стороны человеческих существ и этими существами исправляться не могли. Если бы даже он запретил Скрябину ехать в Макошино, тот мог уехать и без его разрешения – благо, находился сейчас в отпуске. А главное – всё то же самое могло приключиться с ним где угодно.

И всё-таки не вмешаться вовсе Валентин Сергеевич не мог. Слишком уж страшная картина ему открылась: растерзанное, исполосованное то ли бритвой, то ли острейшим кинжалом тело молодого человека, лежавшего ногами – в речной воде, а головой – на почерневшем от крови песке обширного речного пляжа. И руководитель проекта «Ярополк» вызвал к себе секретаря – надиктовал ему текст телеграммы, которую следовало отправить в Макошино. *Не совсем* такой телеграммы, о которой он говорил Скрябину.

А потом, когда секретарь ушел, Валентин Сергеевич снова извлек из сейфа личное дело Скрябина и уставился на строчку, которая так и цепляла взгляд: *Участие в проекте «Ярополк» одобрено лично товарищем И.В. Сталиным*. Ведь и сам Валентин Сергеевич вступил в нынешнюю свою должность с одобрения того же человека, встреча с которым состоялась у него без малого полтора года назад.

4

Свое невероятное назначение Валентин Сергеевич получил в декабре 1937-го – когда де-юре числился умершим уже год и два месяца. Он так и не сумел до конца свыкнуться с мыслью, что к прежней его жизни – к театру, к старым друзьям, к семье, – возврата уже не будет. Однако выбора у него не оставалось. Все, кто вместе с ним входил когда-то в московский кружок тамплиеров, оказались за решеткой. Как и Александр Барченко, который тестировал много лет назад его парапсихические способности. А прежний патрон Барченко, великий и страшный комиссар госбезопасности 3-го ранга Глеб Бокий – так и вовсе был к тому времени расстрелян. Так что проект «Ярополк», ради участия в котором он, Валентин Смышляев, отказался год и два месяца тому назад от прежней своей жизни, остался без руководителя.

И всё же – когда ему сообщили, что его вызывает к себе Хозяин, Валентин Сергеевич даже помыслить не мог, в чем состояла истинная цель назначенной ему аудиенции.

За окнами кремлевского кабинета Вождя вихрился легкий снежок. И уже наползали ранние декабрьские сумерки: рабочий день товарища Сталина всегда начинался далеко за полдень. Лампа, горевшая на столе Хозяина, давала мягкий, слегка рассеянный свет, из-за чего вся обстановка казалась обманчиво камерной, домашней. Пока Сталин бесшумно расхаживал по кабинету в своих горских сапогах из мягчайшей кожи и раскуривал трубку, Валентин Сергеевич стоял у дверей. И не сводил глаз с Хозяина – даже мимолетного взгляда не кинул в сторону длинного посетительского стола, по обеим сторонам которого круглились спинки невысоких стульев.

– Что же вы стоите, товарищ Смышляев? – вопросил, наконец, Вождь – как будто только теперь заметил присутствие посетителя. – Присаживайтесь! – И он чубуком трубки указал не на один из гостевых стульев, а на кожаное кресло, приставленное к хозяйскому столу.

Валентин Сергеевич вздрогнул, и под ложечкой у него засосало от неопределенных предчувствий. Он знал: мало кого Хозяин усаживал вот так, чуть ли не наравне с собой. Присев на краешек кресла, он выпрямился в ожидании, словно был студентом, который ждет на экза-

мене первого – самого каверзного – вопроса профессора. Сталин окинул его взглядом и чуть усмехнулся. А затем пристроил свою трубку в стоявшую на столе стеклянную пепельницу и сам уселся за стол.

– Я полагаю, – сказал он, – вы всем довольны, товарищ Смышляев, на вашем новом месте службы? Или, быть может, у вас есть какие-нибудь пожелания? Жалобы?

Да, жалоба у Валентина Сергеевича прежде имелась: в октябре прошлого, 1936-го года, когда был рассыпан готовый типографский набор его книги по актерскому мастерству. И с жалобой этой он – скорее от отчаяния, чем в расчете на помощь, – обратился тогда к Александру Васильевичу Барченко. Не напрямую – написал ему письмо. И получил ответ – уже прямой: Барченко позвонил ему и сообщил, что ордер на арест его, Валентина Смышляева, уже подготовлен. И что избежать этого ареста никак нельзя: один из прежних знакомцев-тамплиеров написал на него донос – на имя только что назначенного наркома внутренних дел Ежова.

– Однако, – сказал Барченко, – я уполномочен передать вам предложение, которое одно только и может вам помочь. Если вы согласитесь, конечно. – И он сообщил, в чем будут состоять новые обязанности Валентина Сергеевича, если – *когда* – он сделанное ему предложение примет.

– Я всем доволен, товарищ Сталин. – Валентин Сергеевич прямо посмотрел в глаза Вождю, который только слегка дернул бровями – показывая, что другого ответа и не ждал.

– И вам известно, что особое подразделение в составе НКВД СССР, на благо которого вы столь успешно трудитесь, не имеет в данный момент официального руководителя.

Это не был вопрос. И Валентин Сергеевич только коротко кивнул – чтобы показать свое согласие со словами Хозяина, а не чтобы подтвердить собственную осведомленность. Сталин был для него – как *deus ex machina* в древнегреческом театре: необъяснимый, непредсказуемый, всесильный. Валентин Сергеевич до сих пор не представлял, почему этот человек позволяет ему жить – хоть и под чужим именем. Что, разве других одаренных эзотериков не имелось в Союзе ССР?

Должно быть, эти мысли каким-то образом отобразились у Валентина Сергеевича на лице, потому как темно-янтарные глаза Хозяина вдруг странновато блеснули.

– Как думаете, товарищ Смышляев, – спросил он, – смогли бы вы встать во главе этого особого подразделения?

Валентин Сергеевич испытал даже не страх. То был – благоговейный ужас. Губы его словно бы заледенели, и он – позор на голову актера! – дважды запнулся, произнося одну-единственную фразу:

– Но как же я… ведь у меня даже нет… специального звания в системе ГУГБ. – Он едва не ляпнул: «Даже нет больше своего имени»; но, слава Богу, вовремя спохватился.

– Этот вопрос мы решим. Главное – у вас есть доверие партии и советского народа, которое вы заслужили.

Валентин Сергеевич с трудом удержался от того, чтобы поерзать в кресле. Он хорошо знал, чем он заслужил подобное доверие: использовал по полной программе свой дар предощущений. И за минувший год с небольшим дал три важнейших прогноза. Во-первых, он безошибочно определил, что в декабре 1936 года тяжелая болезнь доконает несчастного и боготворимого всеми писателя Николая Островского. Во-вторых, он загодя предсказал смерть Серго Орджоникидзе: в минувшем феврале тот выстрелил себе в сердце. И, в-третьих, он точно описал, как и когда умрет отец новейшей науки – ядерной физики, британец Эрнест Резерфорд: в октябре нынешнего года, после хирургической операции по поводу неожиданно возникшего ущемления грыжи. В том, что касалось таких предсказаний, дар Валентина Сергеевича никогда не давал сбоев.

– И всё-таки… – Валентин Сергеевич слышал собственный голос будто со стороны: сам себе не верил, что собирается возражать Хозяину. – И всё-таки, товарищ Сталин, в проекте

«Ярополк» есть люди, которые гораздо лучше меня разбираются в разной антинаучной чертовщине. – Он издал жалкий смешок.

При последних его словах Хозяин поглядел на Смышляева с выражением, которое тот с удивлением трактовал как насмешливое понимание.

– *В разной антинаучной чертовщине…* – вполголоса, словно бы про себя, повторил Сталин, затем взял трубку, затянулся раза два или три, и только после этого заговорил вновь: – Есть у нас люди, думающие, что большевики по определению отвергают любые суеверия и чертовщину. Это неверно, товарищ Смышляев. Если чертовщина служит делу рабочего класса и освобождению человечества от ига капитала, то мы такую чертовщину можем и должны использовать в своих целях. Вы с этим согласны? – И он глянул на посетителя поверх трубки, пряча в усах эту свою знаменитую усмешечку.

В горле у Смышляева что-то сухо щелкнуло, однако он снова заговорил – точнее, вместо него будто говорил какой-то дерзкий бесенок, задавшийся целью Валентина Сергеевича погубить:

– Согласен, товарищ Сталин, поскольку раз есть Бог, то должен быть… Ну, то есть – я ведь совсем не атеист, как вы понимаете.

– Так ведь, говоря формально, у нас нет таких условий приема на службу в НКВД, которые требовали бы обязательного атеизма. И, тем паче, никто его не требует от участников проекта «Ярополк». Вот, к примеру, в «Ярополке» есть один перспективный молодой сотрудник – Николай Скрябин. Успели уже с ним познакомиться? Так он, я думаю, даже и в диалектику не верит – его больше метафизика влечет. Как и вас, товарищ Смышляев. Принимайте проект: я *предчувствую*, что с его участниками вы сработаетесь.

И – приходилось признать: Хозяин оказался прав. Валентин Сергеевич и в самом деле сработался со своими новыми подчиненными.

Ну, или почти сработался. Эти люди во многом оставались для него тайной: он редко понимал мотивы, по которым они стали служить в НКВД. Но вот Николай Скрябин оказался в этом смысле исключением. С его мотивами всё было ясно. Это только со стороны казалось, что молодой человек служит в органах госбезопасности. В действительности он служил – своей идее. И идея эта состояла в том, что Зло – подлинное Зло, с прописной буквы, – должно быть повержено. Любой ценой.

Но, как видно, и у Зла накопился уже изрядный счет к Николаю Скрябину. И теперь, в мае 1939 года, Валентину Сергеевичу оставалось только гадать: увидит ли он еще живым своего перспективного сотрудника – поклонника метафизики? Даже то, что Николай Скрябин сам обладал подтвержденным даром ясновидения, ничем не могло ему помочь. Уж Валентин-то Сергеевич хорошо знал: ясновидящему не под силу предсказать свою собственную судьбу. А, тем паче, изменить её.

Глава 3. Лодочник

26 мая 1939 года. Пятница

1

Николай Скрябин выехал из Москвы поездом, отходившим с Курского вокзала в 10.40. А до этого заглянул на старую квартиру, где он проживал, еще будучи студентом. И оставил у прежней соседки – милейшей старушки «из бывших», Елизаветы Павловны Коковцевой, – своего персидского кота Вальмона. С этим обжорой и сибаритом только она одна и могла поладить в отсутствие Скрябина. Елизавета Павловна уже много лет жила на Моховой, 10: в одной из коммуналок, обустроенных в переделанном доходном доме. А у самого старшего лейтенанта госбезопасности имелась теперь двухкомнатная квартира в левом крыле Дома Жолтовского на Моховой улице, 13. В основном туда вселяли инженеров и других технических специалистов, но для сотрудника проекта «Ярополк» сделали исключение.

Поезд шел медленно. И, когда он довез Николая до ближайшего к Макошину районного города, время далеко перевалило за полдень. Но зато от вокзала оказалось рукой подать до лодочной станции. И Скрябин – с наплечной кобурой под пиджаком штатского костюма, с перекинутым через одну руку габардиновым летним пальто и с чемоданом в другой руке, – двинулся к речному причалу. Он рассчитывал, что легко наймет моторную лодку, и на ней за час, ну, самое большее – за полтора, доберется по Оке до Макошина.

Однако он ошибся. Стоило ему только произнести название села, и все лодочники, как сговорившись, отвечали одинаково: «Туда – нет. Ни за какие деньги. Ищите дураков!» Да еще и сплевывали себе под ноги. Скрябин обошел человек десять, вспотел, чертыхался мысленно на каждом шагу и уже подумывал о том, чтобы реквизировать какую-нибудь моторку – показав удостоверение ГУГБ НКВД. Но тут удача наконец-то улыбнулась ему. Отыскался-таки то ли жадный до денег, то ли просто очень уж отчаянный мужик: лет сорока, с взором проницательным и фаталистически обреченным. В ответ на просьбу Николая он кивнул: «Что ж, отвезу». Только очень уж долго ходил потом – оформлял путевой лист. Так что отплыли они в Макошино, когда солнце уже начинало клониться к закату.

2

Сперва их плаванье проходило под аккомпанемент одного лишь урчащего лодочного мотора. И сам Николай, и лодочник, назвавшийся Савелием Пашутиным, хранили молчание. Савелий, сидевший на корме, возле мотора, демонстративно глядел куда-то вдаль. Скрябин же с интересом обозревал окские берега, то – поросшие густым лесом, то – спускавшиеся травянистыми холмами к самой воде. Путешествие по-над рекой освежало голову, отгоняло сонливость, и Николай впервые за полмесяца ощущал некое подобие бодрости.

Тут лодочник всё-таки заговорил:

– А ведь вы – не иначе, как командировочный. – И, поймав удивленный взгляд Николая, пояснил: – За лодку-то вы вдвое переплатили. Своими кровными деньжатами так не разбрасываются. Стало быть, за казенный счет путешествуете. Опять же, одеты вы по-городскому, один чемоданчик при вас – значит, не насовсем в Макошино едете, а на короткий срок.

– Вам бы только следователем работать, – усмехнулся Скрябин.

– Мне-то – нет. А вот вы, я так думаю, следователь и есть.

– С чего это вы взяли?

– А кем вы еще можете быть? Сразу видно, вы человек из образованных. Но если бы вас, к примеру, отрядили с проверкой в тамошнюю школу, то отправились бы вы туда позже, к началу сентября. Сейчас ведь ребятишек вот-вот на каникулы распустят! Так что, скрывайте – не скрывайте, а по всему видать: едете вы в Макошино из-за тех убийств.

– Вы и про убийства знаете? – Николай невольно сунул руку под пиджак, поближе к своему «ТТ» в наплечной кобуре.

– Как же не знать! – Пашутин хмыкнул. – Жена моя, Катерина, родом из тех мест, и мы с ней, почитай, каждое лето гостим у её стариков – моих тестя с тещей. А тесть мой, между прочим, мужик грамотный: церковно-приходскую школу в свое время окончил. Так что письма из Макошина мы получаем регулярно.

– И что же вам оттуда пишут?

– Да вы, поди, и сами знаете, *что*. В начале мая убили там пятерых мужиков. Зверски убили. Четверо-то из них были не местные, а один – свой, макошинский, милиционер участковый. Но ведь этим дело не ограничилось!..

– А что, еще кто-то был убит? – Скрябин даже привстал с неудобной лодочной скамьи.

– Из людей-то, слава Богу, никто. А вот коров полегло немало. Тесть писал, что каждую ночь они свою буренку в сенцы забирают, чтобы до неё *те* не добрались. А колхозное стадо уже чуть ли не на треть поубавилось. Доярки по утрам в коровник заходить боятся: каждую неделю с двух, а то и с трех коров *те* шкуры обдирают. Причем обдирают так, что сама шкура остается цела, а всё, что внутри неё было, исчезает бесследно.

– Бесследно, значит… – пробормотал Николай; в случаях с человекоубийствами, напротив, похищали кожу людей, а то, *что внутри,* бросали на месте преступления.

Лодочник кивнул:

– Точно так! Председатель колхоза, Кукин Никифор Андреевич, хотел в коровнике ночные дежурства организовать. Деньги за это сулил – не трудодни! Да только не согласился никто. С *теми* шутки плохи. Дежурили, правда, какие-то приезжие – непонятные мужики из Москвы. Но ни разу никого не застали.

Что это были за *непонятные мужики*, Скрябин прекрасно понял. Равно как понял и то, с *кем* плохи шутки. Но всё же уточнил:

– *Те* – это вы о ком?

– О них, о нечистиках. Моя Катерина зовет их *навки*, а теща с тестем – *навь*, или *нави*, когда как.

– И вы тоже верите в их существование?

– Дураком надо быть, чтобы не верить, – сказал Савелий. – Вон, Семён из Макошина, – (имелся в виду, конечно, участковый милиционер), – не верил, корчил из себя невесть кого. И чем дело кончилось? Вы хоть соль-то с собой везете?

– Везу немного. – Пакетик с солью лежал у Николая в чемодане.

– Так вы прикуп*и*те еще! – посоветовал Пашутин. – Как приедете, так сразу в сельпо и прикуп*и*те! Какая-никакая – а защита.

– Обязательно прикуплю, – пообещал Скрябин. – Расскажите еще про навей – всё, что знаете.

– Отчего ж не рассказать – расскажу. – Лодочник явно был рад показать свою осведомленность. – Навями становятся пр*о*клятые люди, которые нехорошей смертью умерли. В петлю залезли, скажем. Или в речке утопли. Или – кого волки загрызли, поскольку считается, что праведники от природных сил пострадать не могут. Бабка моей Катерины говаривала: в здешних краях покойники вредоносные всегда водились. Но прежде, пока церковь Пятницкая стояла, никогда особенно не озоровали. Вы про церковь-то знаете?

– Про ту, что сгорела?

– Ну, стало быть, знаете. Так вот. Нави выглядят вроде как люди, только ходят всё время нагишом – даже зимой. А главное – спины у них корытом.

– *Корытом*? – переспросил Николай.

– Ну, представьте себе, что у человека срезали со спины всю кожу вместе с мясом, и внутренности торчат наружу. У навей – так. Поэтому распознать их – плевое дело, если только

они не раздобудут где-нибудь человечью кожу и не напялят её на себя, как какой-нибудь водолазный скафандр.

«Так вот почему кожу убитых не удалось найти!» – осенило Скрябина. А лодочник продолжал говорить:

– Считается: они могут *влезть в шкуру* любого человека, независимо от его роста и сложения. Ведь у них – у навей, в смысле, – тело, как гуттаперчевое. Костей-то у них нет.

– Нет костей? – Это было что-то уж совсем новенькое.

– А иначе как бы они из заколоченных гробов выбирались – те, конечно, кого похоронили по-людски? И как могли бы пролезать куда угодно, проходить в любую щель? У навей кости будто растворяются. Но тела их остаются упругими, и стоять эти паскуды могут даже на своих бескостных ногах.

– Откуда же вы знаете такие подробности? Неужто видели навей сами?

– Сам – не видел, – сказал Савелий. – Бог миловал. А вот тесть мой, когда помоложе был, познакомился с этими тварями накоротке. Я раньше-то, грешным делом, думал: привирает старик для красного словца. Ну, а теперь понял: всё, что он говорил – чистая правда.

– А что за история приключилась с вашим тестем? И когда?

– Приключилась она года через два после того, как церковь сельская сгорела. И само село уже из Пятницкого в Макошино переделали. Катерина моя – она у родителей младшенькая, последыш, – одна только из детей тогда с отцом, с матерью и оставалась. Её сестра и три брата поразъехались уже к тому времени кто куда. И каким батя её в тот день домой пришел, она на всю жизнь запомнила. А тесть мой столько раз при мне об этом говорил, что я всё вызубрил почти наизусть.

И лодочник, не забывая следить за рекой, стал рассказывать.

3

Случилось всё поздней осенью, перед самым ледоставом на реке. Тесть Савелия, заядлый рыбак, смолил на берегу свою лодку и так увлекся, что и не заметил, как стемнело. Лишь когда смоляная кисть в его руках стала плохо различима, мужик заметил, что окский берег освещается одним только отсветом от его маленькой смолокурни.

А уже тогда в селе поговаривали, что *эти пошаливают*. Причем пошаливали *они* как раз после захода солнца. И отец Катерины хотел уже погасить костерок под ведерком, где плавилась смола, чтобы идти домой, когда со стороны реки донесся громкий всплеск.

Можно было подумать, что по воде ударила хвостом рыба невероятных размеров. Но затем раздался звук, рыбам несвойственный и совершенно неприличный: как будто кто-то, объевшись гороховой похлебки, длинной очередью выпустил из себя кишечные газы. Тесть Савелия поднял глаза, да так и сел прямо на песок: из реки выходила, в чем мать родила, русоволосая женщина – с роскошными формами соблазнительного тела и с нехорошей ухмылкой на губах. Что это была за раскрасавица, макошинский рыбак уразумел сразу.

– Свят, свят, свят!.. – Мужик начал торопливо креститься.

Голая же бабенка пошла прямиком к нему. И сразу же от реки донесся новый всплеск, а за ним – тот же неприличный звук: из Оки вылезла еще одна нагая особа. Вторая женщина оказалась ещё краше первой: белокурая, стройная, с лицом юным и невинным. Но рыбак даже не успел толком разглядеть её. Опять что-то ударило по воде, мерзкий звук снова разнесся над рекой, и третья обнаженная дамочка вылезла на берег: рослая смуглая обольстительница, будто сбежавшая из цыганского табора.

Даже в осенних сумерках, разбавленных одним лишь тусклым светом маленького костерка, было видно, что все три голые красотки в речной воде не отражаются.

«Солью, солью бы их посыпать!..» – промелькнуло в голове у мужика. Однако ни соли, ни топора (ими, как говаривали, кое-кому удавалось отогнать окаянных тварей) он из дому не захватил.

А первая купальщица, похожая на обильную телом купчиху, уже двинулась к Катерининому отцу. «Сейчас душить начнет! – только и подумал рыбак, пытаясь в сидячем положении отползти от красотки подальше. – Или кровь высасывать!..» Однако пышногрудая русалка остановилась за пару шагов от мужика, обернулась к своим товаркам и проговорила – будто рокочущие струи дождя сорвались с высокой крыши:

– Поторопитесь!

И она на мгновенье повернулась к рыбаку спиной – вместо которой у мнимой красавицы темнело отвратительное месиво из влажных внутренностей.

– Господи, спаси и помилуй! – прошептал рыбак; но, вместо того чтобы снова перекреститься, переложил смоляную кисть из левой руки в правую, сам не вполне понимая, зачем.

А мнимая купчиха наклонилась и стала пристально его разглядывать.

– Староват, – пробормотала она, – лучше бы кого помоложе…

– Ничего, мне и этот сойдет, – проговорила из-за плеча первой женщины подоспевшая блондинка. – А если для тебя он не хорош, можешь с нами жребий не тянуть.

– Что еще за жребий такой? – задал вопрос мужик; но жуткие русалки ответом его не удостоили.

Подошедшая позже других цыганистая брюнетка тоже глянула на макошинского жителя – как тому показалось, иронически. И проговорила, прищелкнув языком:

– Что ж, на безрыбье – и рак рыба. Возьмем этого, коли других нет.

– А как выберем, кому достанется? – Глаза белокурой девицы алчно блеснули.

– Как? – «Цыганка» на секунду задумалась, а затем молниеносным движением сшибла у мужика с головы шапку и пророкотала: – А вот как. Гляньте-ка на его шевелюру!

Волосы немолодого рыбака оставались густыми, но по цвету были, что называется, «соль с перцем». Причем *соль* в них преобладала.

– Видите, – проговорила цыганистая купальщица, – старик уже почти весь седой, но и черные волосы попадаются. Вот мы и будем по очереди подходить к нему, поворачиваться спиной и вырывать у него по волоску. Кто раньше других выдернет черный волос, тот мужика и заберет.

– И кто же первой дергать будет? – спросила «купчиха». – Ты, что ли?

– Необязательно – я. – Брюнетка повела плечом. – Можешь ты начать, потом – она, – последовал кивок в сторону белокурой товарки, – а уж я последней подойду, чтоб вы не думали, будто я жульничаю.

– Что ж, – кивнула пышнотелая дамочка, – пусть так и будет!

Она приблизилась к мужику, повернулась к нему своей чудовищной спиной и запустила руку в его волосы. Пальцы купальщицы оказались холодными, как осенняя вода в Оке.

– Ой! – вскрикнул макошинец, когда *купчиха* выдрала у него волос. И тут же услышал разочарованный вздох:

– Седой!..

Следующей попытала счастья блондинка, но и ей не повезло. Последней волосок вырвала черноволосая красавица, и бедный макошинец решил уже, что всё, конец – так странно блеснули её глаза. Но нет: и у той в руке тоже оказалась выбеленная временем «нитка».

Жребий пошел по второму кругу. И тут, то ли от боли – хоть и не сильной, но очень уж обидной, – то ли от самого факта, что голые дамочки ощипывают его бесцеремонно, как дохлую курицу, на пожилого сельчанина напала злость. Некая идея, до этого смутная, созрела в его голове окончательно. А тут и черноволосая навка невольно подыграла ему, оттянув на себя внимание своих страшных подруг. Подойдя к рыбаку во второй раз, нахалка сделала вид, что выдергивает волос у него из головы. А на деле, как фокусница, вытянула заранее заготовленный – черный! – волосок из своего кулака.

– Есть! – победно выкрикнула она.

Но и две другие участницы жеребьевки оказались не лыком шиты.

– Обманщица! – взвизгнула блондинка. – Это, небось, твой собственный волос!

– Да ты что городишь! – возмутилась иллюзионистка. – У меня волосы – длинные, а этот – посмотри, какой! – Коротенький волосок, зажатый в её руке, явно принадлежал пожилому рыбаку.

– Ты его заранее прихватила, – заявила *купчиха*. – Когда с мужика шапку сбивала!

Брюнетка яростно заспорила с двумя товарками. И на какое-то время купальщицы забыли про свою добычу и обратились к ней тылом.

«Пора!» – понял мужик. Он глубоко обмакнул кисть в смоляное ведро, продолжавшее стоять на огне, и одним махом окропил смолой мерзкие спины всех трех бабенок.

Внутренности, лишенные кожного покрова, зашипели. А купальщицы завертелись, как три юлы, разинули рты и попытались завопить. Но не тут-то было: из навьих ртов (так же, как из носов, ушей и даже глаз) повалил густой черный дым. Мужик понял, что сейчас эти твари видеть его не могут. На четвереньках он отполз за свою лодку и затаился там, безотрывно следя за просмоленными красотками, у которых черный дым заструился также и из всех срамных отверстий. Более гнусного зрелища пожилой макошинец в жизни своей не видал.

Дамочки же, вертевшиеся поначалу на месте, ринулись к реке. И одновременно нырнули, после чего от воды повалил пар, будто на горячую каменку выплеснули ковш квасу.

Тут бы мужику и бежать домой! Благо, и жил он неподалеку: его крестьянская усадьба своими хозяйственными постройками выходила прямо на реку. Но он схватил смоляное ведерко, держа его за ручку через полу своей телогрейки, и так – с ведром в одной руке и с черно-блестящей кистью в другой – подступил к самой воде.

– Только попробуйте вылезти, шалавы! – крикнул он купальщицам. – У меня тут еще смолы довольно!..

Но те лишь высунули головы из воды: все разом, будто принадлежали они единому трехголовому существу.

– Ладно, старик, ты нас в баньке попарил, – пророкотала брюнетка, – но ужо будет и тебе баня! – Две другие головы согласно кивнули. – Убивать тебя нам, пожалуй что, не резон – всё равно твоя старая шкура долго не протянет. Но в бане твоей теперь будет наше становище. Будем мы там обитать, а ты и домочадцы твои, как помоетесь, станете приносить нам угощенье и оставлять горячей водицы в шайках.

– А нам самим – как же мыться-то? – пролепетал ошалевший от такого заявления мужик. – Вместе с вами, что ли?..

– Зачем же – вместе с нами? – Цыганка ухмыльнулась. – Перед тем, как баню топить, будешь говорить, стоя в предбаннике: «Изыдите!» А потом, когда всё приготовишь для нас, скажешь: «Мойтеся!» И уж после этого, чур: в баню не заходить! Да смотри: будешь еду готовить, не вздумай солить её. Тебе же хуже будет. И запомни, пень старый: ежели забросишь баню и не станешь мыться в ней, то тебя мы не тронем, а вот жену твою заберем к себе. А заодно и всех родных твоих, до последнего, истребим!

И, едва *цыганка* договорила, все три твари не то чтобы вынырнули – они как-то внезапно распластались на воде, легли на неё своими безобразными спинами. А затем, не двигая ни руками, ни ногами, поплыли против течения.

4

– И с тех пор каждое мытье в бане стало для моего тестя крестной мукой, – закончил свой рассказ Савелий. – То, что ему велели, он стал исполнять неукоснительно. И только поэтому, как сам говорит, до сих пор жив. Э, да вы меня не слушаете!..

Скрябин, который до этого не отрывал взгляда от воды, теперь поднял глаза. И по их выражению лодочник явно понял: его пассажир, даже не назвавший ему своего имени, не упустил из рассказа ни единого слова.

– Так что вы думаете об этом? – спросил Савелий. – Верите мне, или как?

– Да уж попробуй тут не поверь… – пробормотал Николай.

Была в истории, изложенной Пашутиным, одна деталь, какую не смог бы выдумать ни он сам, ни его тесть: *неприличный звук*, предварявший появление из воды страшных купальщиц.

Пару лет назад Николай расследовал дело, связанное с появлением в Архангельской области диковинных существ женского пола, которые выбирались из заброшенного пруда и промышляли затаскиванием в воду людей и домашних животных. По формальным признакам это были русалки. Но не романтические создания из оперы Даргомыжского, а твари злобные и кровожадные, самые настоящие серийные убийцы. Охота на них заняла больше месяца. И за это время Скрябин сумел разгадать загадку: почему легенды всегда приписывали русалкам, которые на деле мало чем отличаются от людей, наличие рыбьего хвоста вместо ног. Притом что существовали также многочисленные поверья о русалочьих хороводах на лесных полянах. А любимым занятием «купальниц» всегда считалось раскачиванье на ветвях деревьев (не на пустом же месте возникло пушкинское: «Русалка на ветвях сидит»)!

Всё оказалось просто. Русалки, приманивая потенциальную жертву, высовывались из воды лишь до пояса – по причинам весьма прозаическим. Для того чтобы вода не сносила купальниц и они могли ходить по дну облюбованного ими водоема, тела этих существ должны были обладать огромным весом. Но откуда ему было взяться? Водолазных ботинок со свинцовыми подошвами они не носили, и проблема решалась по-другому. При заходе в водоем русалка начинала заглатывать воду – буквально закачивала её в себя, будто внутри у неё работал мощный насос. В результате русалочье тело становилось тугим, словно боксерская груша, и одновременно – тяжелым, как мешок с мокрым песком. Так что речные девы легко утягивали за собой в подводное царство любого приглянувшегося им добра молодца.

Однако вначале нужно было завлечь такого молодца к воде, очаровать его. А что могло быть при этом хуже, чем некстати вырвавшиеся *ветры*? Вырывались же они всенепременно, стоило русалке вытащить из водоема нижнюю половину своего тела. Только не воздух исторгался из русалочьего ануса, а вода. Потому-то купальницы и не допускали присутствия посторонних при своем выходе на берег. А если уж случалось кому-то их застукать, то беднягу ждала неминуемая смерть.

– Везучий ваш тесть… – в задумчивости проговорил Николай.

– Дай Бог и вам таким же везучим оказаться, – сказал лодочник. – Солнце вот-вот зайдет! Соль-то у вас далеко?

Солнце и впрямь уходило уже за горизонт, окрашивая в бледно-алые тона речную воду и сосны на берегу. Лишь узкой золотисто-желтой полосой выделялась опушка соснового бора, на фоне которой чернел силуэт обгоревшей церкви.

– Соль и вправду положу поближе. Спасибо за совет. – Отщелкнув замки чемодана, Скрябин вытащил бумажный пакетик с солью и сунул его в карман пиджака, а затем, подумав, туда же опустил электрический фонарик. – Вы сами-то на берег не сойдете? Может, хотите тещу с тестем повидать?

– Нет уж, увольте. Я еще не ополоумел, чтобы разгуливать по Макошину в темноте. – И, поняв, что сморозил бестактность, лодочник прибавил: – Извините, я не имел в виду, что *вы* ополоумели.

– Ничего. – Николай усмехнулся. – Может, скоро увидимся – если решите наведаться в ближайшее время в Макошино.

– Это вряд ли, – покачал головой Пашутин. – Жена-то моя – она ведь химико-технологический техникум окончила и работает у нас в городе начальницей отдела сбыта на химкомбинате. И всем бы её работа хороша: и денежная, и почёт. Да только разъездов много. Потому мы и ребеночка никак завести не можем. Вот и сейчас моя Катя в командировке. Послали её в Ашхабад – в туркменскую столицу. А без неё и я в Макошино не поеду.

Глава 4. «Пред ним живая голова…»

26 мая 1939 года. Вечер пятницы

1

Моторка на малой скорости отчалила от берега. И Николай, подхватив своё летнее пальто и чемодан, стал подниматься по песчаной тропинке, что вела от пустующей пристани к селу.

– Вы, если что, к моим тестю с тещей обращайтесь, – напутствовал его напоследок Савелий. – Они старики хорошие, чем смогут – помогут. Избу их вы без труда отыщете. Улица в Макошине одна только и есть, и как пройдете примерно половину её, увидите двухэтажный деревянный дом – с балконом, второго такого в селе нет. Это бывший поповский особняк, и в нем теперь макошинский сельсовет. Через два дома от него мои тесть с тещей и живут. Дед Степан и баба Дуня Варваркины.

И вот теперь Скрябин шел по макошинскому берегу, который казался ему по-настоящему дивным. Сотни кузнечиков самозабвенно стрекотали, а в воздухе пахло сосновой хвоей, сочной травой и полевыми цветами. Николай заприметил возле тропинки и клевер, и тысячелистник, и желто-белые вкрапления одуванчиков. Но особенно его порадовало, что на берегу густо рос чертополох. На Руси с незапамятных времен считалось: он может «всполошить черта». Так что им защищались от колдунов и отваживали от дома нечистую силу. Его же использовали для защиты от порчи домашнего скота, и прежде всего – коров. А их тут явно держали в немалом числе: там и сям на земле виднелись не только полукружья коровьих следов, но и разной степени свежести коровьи «лепешки». В одну из них Скрябин чуть было не вляпался, и дальше шагал, уже не столько любуясь окрестностями, сколько глядя себе под ноги.

Единственная в селе улица, на которую он вышел, пролегала почти параллельно речному берегу, но была немножко скособочена – как если бы те, кто её прокладывал, хотели, чтобы она отдалялась от Оки по неширокой дуге. Согласно имевшейся у Николая карте, в дальнем своем конце улица эта переходила в грунтовую дорогу, которая через шесть километров пересекалась с шоссе, ведущим в райцентр. А противоположный конец улицы – Скрябин видел это и без карты – упирался в сосновый бор, возле которого простирался обширный погост с руинами церкви.

Столбы с проводами ясно показывали, что в Макошино, где находилась центральная усадьба колхоза имени XVII съезда ВКП(б), провели электричество. Но свет горел сейчас только в четырех или пяти домах. Никто из сельчан не сидел на завалинках, никто не гулял по улице, а ведь время близилось лишь к девяти часам вечера! Не встретив по пути ни одного человека, Николай дошел до центра села и остановился возле двухэтажного здания с балконом, в котором размещались сельсовет, отделение милиции, а также почта и телеграф.

По словам лодочника, прежде в этом доме проживало семейство протоиерея Василия Успенского, настоятеля храма Святой Параскевы Пятницы. Однако еще до того, как сгорела церковь, семья священника осталась без крова. Дом был экспроприирован в 1919-м, так что отец Василий с женой и тремя детьми какое-то время квартировал у одной из своих прихожанок, а после страшного пожара вместе с семейством покинул село.

Напротив бывшего поповского дома Скрябин обнаружил магазин «Сельпо» и решил, что завтра ему нужно будет прикупить в нём соли. Но сейчас он зашагал по улице дальше, по направлению к грунтовой дороге. Прямо возле неё выстроили – для удобства учеников, добиравшихся сюда из соседних деревень, – двухэтажное шлакоблочное здание: Макошинскую среднюю школу. Николай знал, что в ней – в неиспользуемом в теплое время года спортзале – сельская администрация разместила следственную группу НКВД.

Когда Скрябин вышел на посыпанную гравием дорожку, что вела к школе, солнце уже зашло. А школьные окна, в одном из которых стекло заменили листом фанеры, оставались

неосвещеными. Но даже в сумерках Николай хорошо разглядел висевший на фасаде здания кумачовый транспарант с белой надписью: ИЗ СТРАНЫ ТЁМНОЙ, НЕГРАМОТНОЙ И НЕКУЛЬТУРНОЙ СССР СТАЛ СТРАНОЙ, ПОКРЫТОЙ ГРОМАДНОЙ СЕТЬЮ ВЫСШИХ, СРЕДНИХ И НИЗШИХ ШКОЛ. А внизу шла подпись курсивом: *И.В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).*

– В полном соответствии с названием колхоза, – хмыкнул Скрябин и огляделся по сторонам.

Возле школьного крыльца была разбита квадратная клумба, посреди которой стояла на постаменте гипсовая девица в пионерском галстуке. Скорее пионервожатая, чем пионерка, она высоко взметнула в салюте правую руку. Странно, но желтые нарциссы, подступавшие прямо к гипсовому пьедесталу, все засохли – уныло свешивали пожухлые лепестки. И букетик увядших цветов кто-то положил к самым ногам изваяния – словно к надгробному памятнику.

Скрябин только покачал головой при виде этого. И даже не особенно удивился, когда увидел, что на парадных дверях школы красуется амбарный замок. С этой школой – да и со всем селом – происходило что-то неправильное. Тут всё было – как грязные оконные стекла глубокой ночью: преграда для света, которого и так нет. От аромата мертвых цветов у Николая засвербило в носу и в горле, и вся его недавняя бодрость куда-то исчезла.

Однако вскрыть замок на школьных дверях он сумел бы – всегда возил с собой набор первоклассных отмычек. Но вместо этого Скрябин пошагал мимо парадного крыльца школы и свернул на тропинку, протоптанную в обход здания.

2

Вдоль тропки буйно произрастала трава-резун вперемешку с мелколистной «гусиной травкой». И эти зеленые заросли стали, должно быть, прибежищем для какой-то малорослой живности: растительность подле тропы непрерывно колыхалась – при полном безветрии. Скрябин отметил это про себя, но отметил как-то отрешенно, почти равнодушно. Неестественная сонливость накатила на него, и все его силы уходили на то, чтобы держать глаза открытыми.

Черный ход школы тоже оказался заперт – на новенький английский замок. Николай резко встряхнул головой, чтобы хоть немного привести себя в чувство, а потом полез-таки в чемодан за своими отмычками. И бряцанье этих железняк словно бы вернуло ему толику прежней бодрости, так что с замком он управился ловко, как управляется возница с конской сбруей. Язычок замка с коротким тявканьем отщелкулся, Скрябин толкнул дверь и вошел в пустой и темный школьный коридор, где шаги его тут же отозвались приглушенным эхом.

Сквозь высокие окна коридора в здание проникал мутноватый вечерний свет, и Николай, войдя, не стал включать ни электрическое освещение, ни даже свой фонарик. Он и без этого легко различал на дверях белые картонные таблички со сделанными по трафарету черными надписями, извещавшими, что здесь – кабинет физики, а чуть дальше – кабинет математики. Соответствующая табличка обнаружилась и на двери, отделенной от остальных более протяженным расстоянием: *Спортивный зал*. И эта дверь тоже оказались запертой – уже не на английский, а на большой, как будильник, висячий замок.

Скрябин по-прежнему не хотел включать свет, из-за чего провозился с этим замком-будильником чуть дольше, чем следовало бы. Но всё-таки отпер и его. Дверь с надменным недовольством скрипнула, распахнулась, и старший лейтенант госбезопасности, переступив порог, попал в довольно обширное помещение – раза в три больше обычного класса. Возле одной из стен громоздился сдвинутый вбок физкультурный инвентарь: параллельные брусья, перекладина для прыжков, гимнастические бревно и ещё всякая всячина. Возле другой стены решеткой выступали перекладины шведской стенки. А посреди зала стояли пять аккуратно заправленных пустых кроватей.

Конечно, сотрудники НКВД не должны были все вместе куда-то уходить, не оставив никого «на базе». Однако для Николая не составляло секрета, что товарищи, откомандиро-

ванные сюда, кое-какие вольности порой себе позволяли. Особенно – руководитель следственной группы, самый старший из всех: Константин Крупицын, капитан госбезопасности, почти сорока лет от роду.

– Интересно, – с усмешкой прошептал Скрябин, – а что сказал ваш, Константин Андреевич, родственник, когда узнал о проекте «Ярополк»?

3

Николаю было известно, что Константин Андреевич Крупицын в обход правил взял в группу своего двоюродного брата: Дениса Бондарева, бывшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска. Впрочем, Денис, который получил теперь звание сержанта госбезопасности, не мог считаться плохим приобретением. В свои двадцать четыре года он был солиден, рассудителен и к следственным действиям подходил в высшей степени ответственно.

Зато противоположностью Бондареву являлся еще один участник следственной группы: Эдвард Адамян, прошлогодний выпускник Московского юридического института. Ровесник Скрябина – двадцати двух лет от роду – тот вел себя иногда, как сущий мальчишка. Так что иначе как *Эдиком* его никто не называл. Еще во время следствия по делу о шаровых молниях Скрябин понял, до какой степени Крупицына раздражают ребяческие повадки Эдика, хоть и тот являлся его протеже.

Эти трое: Крупицын, Бондарев и Адамян – прибыли в Макошино с самого начала, дабы проверить информацию, полученную от Григория Петракова. А затем, когда всё подтвердилось, для усиления следственной группы ей были приданы еще два участника.

Одним из них стал лейтенант госбезопасности Самсон Давыденко – отметивший недавно свое тридцатилетие русоволосый здоровяк. Именно его Николай спас в Крыму год назад при пожаре на пристани. И наверняка Давыденко не забыл этого. Так что на поддержку Самсона – задиры и отъявленного сквернослова, но зато надежного товарища, – Скрябин в теперешней ситуации рассчитывал более всего.

Одновременно с Давыденко в Макошино приехал и ещё один давешний знакомец Скрябина: двадцатитрехлетний Женя Серов, блондин-альбинос с прозрачными, как апрельский ледок на лужах, глазами. Правда, в качестве компенсации природа одарила Серова необычайно красивой улыбкой. И даже глаза Жени, когда он улыбался, приобретали оттенок, схожий с голубым. Быть может, именно благодаря улыбке Серов пользовался немалым успехом у прекрасного пола – вызывая зависть у товарищей и становясь порой предметом недобрых шуток с их стороны.

И вот теперь Скрябину предстояло курировать всю эту разношерстную компанию. Его приказам в группе обязаны были подчиняться все, включая капитана госбезопасности Крупицына. А из-за особой секретности, которую налагало участие в проекте «Ярополк», к самому Николаю даже запрещалось обращаться по званию, только – *товарищ Скрябин*.

4

Николай поставил на пол чемодан, положил на него свое летнее пальто и включил, наконец, электрический фонарик. С ним он прошелся вдоль ряда заправленных кроватей, но кроме одинаковых чемоданчиков под ними, да полотенец на их спинках, ничего не увидел. Зато в углу спортзала фонарь высветил кое-что ещё: выкрашенный зелено-защитной краской, там стоял маленький сейф. Не имевший шифра и запиравшийся обычным ключом, несгораемый шкаф будто сам напрашивался, чтобы его вскрыли. Что Скрябин и сделал – без зазрения совести.

Внутри лежало несколько папок, набитых документами; но с их копиями Николай ознакомился еще в Москве. На другой полке виднелась коробка с фотографическими принадлежностями, однако фотоаппарата «ФЭД» (названного по инициалам первого чекиста страны) в сейфе не оказалось. Зато рядом с коробкой стоял большой стеклянный флакон, похожий на аптечный. Николай взял его в руки, потряс, и о стекло слабенько звякнуло с полдесятка пилюль. Хотя на этикетке значилось, что их должно было быть в пузырьке ровно сто.

– А вот это – уже ни в какие ворота… – пробормотал Скрябин.

Он вернул практически пустую склянку обратно на полку, запер несгораемый шкаф и присел на одну из кроватей – на самый её краешек, чтобы не поддаться искушению и не растянуться на ней в полный рост. Не провалиться в черный, лишенный сновидений, сон.

Сделанная находка вынуждала призадуматься. Содержимое злополучного флакона представляло собой *средство для похудения,* разработанное британскими фармацевтами. Однако те люди, которым по роду деятельности положено было знать всё, выяснили, что этот препарат, подавляющий аппетит, обладает крайне интересным побочным эффектом: оказывает возбуждающее воздействие на нервную систему. Человек, наглотавшись таких пилюль, испытывает поначалу эйфорический прилив сил. Так что сотрудники лубянского ведомства в середине 30-х годов стали регулярно принимать «таблетки для похудения» при проведении ночных допросов.

Вот только вскоре выяснилось: *лекарство* имело побочные эффекты. Следователей, которые подсели на заграничную отраву, одного за другим валили с ног тяжелейшие заболевания почек, инсульты и инфаркты. А потом стали происходить вещи и похуже: специалисты по ночным допросам начинали вести себя неадекватно. У одних развивались психозы, а другие и вовсе сводили счеты с жизнью при помощи табельного оружия.

Тут уж лубянское руководство забило тревогу. У сотрудников изъяли *бодрящие таблетки* – в состав которых, как выяснилось, входил амфетамин. А тех, кто слишком уж пристрастился к опасным стимуляторам, из «органов» уволили. Однако некоторый запас таких пилюль в НКВД всё же держали – на крайний случай.

– Либо дела тут совсем плохи, – прошептал Николай, – либо кому-то это *лекарство* стало как молоко матери…

Он встал с кровати и тщательно разгладил чуть помявшееся одеяло. А потом подхватил свой чемодан вместе с летним пальто и, освещая себе путь фонариком, двинулся к выходу из спортзала. На его дверь он снова навесил замок, после чего вернулся к черному ходу и вышел наружу.

Секунду-другую он колебался: не оставить ли черный ход открытым? Что-то кололо, беспокоило его. Но, обычно слушавший свои предчувствия, Скрябин в этот раз их проигнорировал и захлопнул за собой дверь.

5

По сравнению со спортзалом и неосвещенным коридором Николаю показалось, что снаружи не так уж и темно. Так что он погасил фонарик, спрятал его в карман пиджака и пошел по тропе в сторону гравийной дорожки, ведшей к селу.

Тут-то всё и произошло.

Из травы возле его ног разом выпрыгнули пять или шесть кузнечиков, переметнувшись на другую сторону тропинки. А мгновение спустя круглый предмет – размером со средний кочан капусты – с подката ударил Николая по ногам, да так, что тот еле-еле удержал равновесие. По левой брючине Скрябина прошелестело что-то длинное и мягкое, словно неведомый кругляш волок за собой по земле хвост – наподобие павлиньего. А в следующий миг загадочный шар уже пропал в травяных зарослях.

– Это еще что за фиговина? – изумился Скрябин.

Крутя головой, он сделал шаг назад, потом – еще один, потом – шагнул за куст бузины, росший возле тропы. И стал до боли в глазах всматриваться в темноту: фонарь выдал бы его местонахождение.

Между тем круглый предмет вновь выкатился на тропинку, как-то странно покачиваясь из стороны в сторону – и словно бы принюхиваясь. У Николая при виде него будто тысячи мелких иголок вонзились в запястья: ему показалось, что у кругляша в темноте *сияют глаза*.

Покачивание и принюхивание длилось около минуты, после чего хвостатый шар снова нырнул в траву. И лишь слышно было, как он шуршит её стеблями.

Скрябин опустил подле себя на землю чемодан и летнее пальто, а затем сунул руку под мышку и на всякий случай расстегнул кобуру – но не стал пока извлекать из неё свой «ТТ». Вместо этого он вытянул из кармана пиджака пакетик с солью и надорвал его с одного края. А затем, зажав соль в кулаке, воззрился на траву у себя под ногами и стал вслушиваться в её шелест.

Шуршанье травы и предупредило Николая о новом появлении самодвижущегося шара – за секунду до того, как тот попал в поле его зрения. Шар катился по гусиной травке прямо на московского следователя – шел в лобовую атаку. Скрябин лишь чудом сумел избежать столкновения с ним: совершил несолидный козлиный прыжок с нелепым вздергиванием коленей. И узрел, наконец, своего противника во всей его красе.

Мимо Николая (на расстоянии не больше ладони) продефилировала по траве человеческая голова – *женская* голова, за которой шлейфом тащились длинные растрепанные волосы. Временами она не катилась, а передвигалась на собственной шее вразвалку – будто чудовищный гном, который переступает с одной крошечной ножки на другую. Глаза головы были широко раскрыты, и Скрябин увидел в них выражение вполне осмысленное – и ничего хорошего ему лично не сулившее.

«Вот попробуй – брось ей соль на спину!..» – только и подумал Николай.

Тут *живая голова* замедлила свое движение и протяжно зашипела. Иллюзия была такая, будто из воздушного шарика, проколотого булавкой, выходит воздух. И, как только гипотетический воздух вышел весь, голова завертелась на месте, будто танцующий дервиш, да с такой скоростью, что её лицо и затылок слились для Скрябина в одну сплошную смазанную полосу. А затем она резко остановилась – глядя прямо в глаза Николаю.

Тот изо всех сил толкнул голову мысленно. Но – результата не достиг. Он и раньше знал, что *так* он может воздействовать лишь на неживую материю; а теперь выходило: на тех, кто *ни жив, ни мертв*, его дар тоже не распространяется.

«Телекинез – не для не-мертвых тел», – подумал Николай и едва не расхохотался. Ему было страшно до чертиков, Гейне не зря сказал: *ничто не страшно только дураку*. Но вместе с тем ему было и страшно смешно: чего он только не навидался за свою карьеру в «Ярополке», но только не такого!

А голова мгновение помедлила и уже не покатилась, а *заковыляла* к нему на своей изуродованной шее. При этом её глаза и в самом деле светились, следя за каждым движением своего противника. И что было делать – неясно. Стрелять в лишенного туловища монстра? Скрябин знал: это бесполезно. Подобные твари боятся железа, а не свинца. Никогда в жизни Николай еще не вступал в такой странный поединок. Он понимал: надо бы чем-то отвлечь живую голову, выгадать себе немного времени на отступление. Но никакого отвлекающего маневра он придумать не мог.

И тут в траве, прямо возле своей ноги, он заметил проржавевшую жестянку: пустую банку из-под консервов. В ней, должно быть, рыбаки носили на речку червяков, а потом выбросили. Однако железо есть железо: у нечисти к нему идиосинкразия.

Доли секунды хватило Николаю, чтобы поднять банку с земли – *не* рукой – и метнуть её. Жестянка угодила мертвушке прямо в лоб, и та с шипением упала на затылок. А Скрябин побежал обратно к школе, выдергивая из кармана пиджака отмычки.

Но «живая голова» пришла в себя куда быстрее, чем он ожидал. Когда до двери черного хода оставалось всего ничего, Николай услыхал у себя за спиной шорох раздвигаемой травы. И – почти гротескное клацанье зубов.

Он даже не обернулся – просто резко сменил направление движенья. И голова, разогнавшись, пролетела мимо него и врезалась с размаху в стену школы. Раздался треск: от шлако-

блочной стены отвалился здоровенный кусок штукатурки. А Николай не выдержал и всё-таки захохотал. Даже в бытность свою центрфорвардом студенческой футбольной команды он не видел ударов столь сильных и одновременно – бесполезных.

Однако дело принимало нешуточный оборот. Отскочив от стены, живая голова приземлилась возле ног Николая. И тот не успел глазом моргнуть, как она вырвала здоровенный кусок темно-серой ткани из его сшитых на заказ брюк. А затем выплюнула брючную материю, совершила на своей изуродованной шее прыжок и явно вознамерилась через прореху тяпнуть человека за ногу.

Скрябин вспомнил былые навыки футболиста и нанес левой ногой свой фирменный «пушечный» удар, угодив в висок живой голове. Да только вышла незадача: при ударе нога Николая запуталась в пакле немытой навьей гривы. И он с размаху грянулся на спину, лишь по счастливой случайности избежав удара затылком о каменную ступеньку черного хода.

6

Варваркин Степан Пантелеймонович, 1870 года рождения (ровесник давно почившего вождя мирового пролетариата), жил в страхе много лет – с тех самых пор, как заключил жуткий договор с тремя купальщицами. Но – то был страх уже привычный, можно сказать, обыденный. И совсем иное дело был страх нынешний: изнуряющий, тянущий душу днем и ночью, не дающий ему ни минуты роздыху.

Порой старику казалось, что он – это совсем даже и не он. Будто некто другой ежесекундно подглядывал за ним, Степаном, и шептал, шептал ему на ухо такое, отчего сами собой ершились седые волосы на его затылке. Кто-то решил бы, что Степан Варваркин тронулся умом. Однако терзавший его ужас имел совершенно определенное объяснение.

7-го мая, когда он обнаружил в собственной бане три изуродованных трупа, произошло и еще кое-что – о чем не знал никто, включая бабку Евдокию. Когда старик, остолбенев, воззрился на изувеченные тела строителей, откуда-то из-под полка донесся шорох и легкое поскребыванье – будто в баню пробиралась мышь. Дед Степан нагнулся и заглянул под полок: доски пола там пузырились, приподнимались и чуть расходились в стороны. А из-под досок на старика глядела страшная личина: лицо юного Васи Русскова, безжизненное и окровавленное. Не раскрывая рта и не шевеля губами, «лицо» проговорило (голос был женским, хоть и с сильной хрипотцой): «Ежели кто узнает, старик, то же самое и с тобою будет…»

О чем *узнает* – старик даже не стал спрашивать. Ясно, было что не о зверски умерщвленных мужиках: их освежеванные трупы нави запросто могли бы спрятать, если бы захотели.

7

Лежа на земле, Скрябин взмахнул ногой, запутавшейся в мерзких космах, словно пытался дать кому-то пинка. Но волосяные путы держали крепко. А зубы «живой головы», только что вырвавшие изрядный лоскут из его брюк, клацнули прямо возле его лодыжки. Со всей силы Николай ударил свободной ногой *голове* в лоб, и от этого удара – хоть в чем-то повезло! – у мертвушки выдралось с корнем несколько прядей волос. Нога Скрябина высвободилась, а живая голова отлетела в сторону, пусть и недалеко: метра на полтора.

Мертвушка мигом восстановила боевую стойку и, тараща глаза, вновь запрыгала на обрубке шеи – обратно к Николаю. Но тот сообразил, наконец, что ему делать с солью, и выдернул из кармана надорванный пакетик. А затем щепотью бросил почти всё его содержимое в глаза страшной твари.

Соль попала прямо на глазные яблоки, и голова даже уже не зашипела, а по-настоящему взвыла. И вновь закрутилась на месте, как волчок. После чего, всё так же вертясь, ретировалась за те бузинные кусты, в которых недавно прятался сам Николай.

Вскочив на ноги, Скрябин хотел было догнать безобразную тварь. Но – соли в пакетике оставалось маловато; следовало поберечь её. Так что он подхватил с земли чемодан и плащ,

сунул в карман кусок материи, вырванный из брюк, и поспешил от школы прочь – решил не тратить время на то, чтобы снова отпирать её дверь отмычкой.

То и дело оглядываясь через плечо, Скрябин вышел на единственную в селе улицу. И, помня, что сказал ему лодочник, размашисто зашагал в сторону дома Варваркиных. Глаза его саднило от напряженного вглядывания в полумрак, однако свой фонарик он по-прежнему не включал: не хотел превращать себя в удобную мишень.

Улицу подсвечивали редкие электрические огоньки, мерцавшие в окнах, за которыми явно находились люди. Несколько раз Николай ощущал, что за ним наблюдают. Но, резко повернув голову, лишь успевал заметить, как вздрагивают опущенные оконные занавески. Наконец, по левую руку от себя он увидел административное здание с забранной под стекло вывеской «Макошинский сельский совет». И ускорил шаг, высматривая нужный дом.

Вот тут-то под ноги ему и подкатила, бешено вращаясь, старая знакомая – лишенная туловища голова. И с размаху ударила лбом по его левой щиколотке.

Удар оказался столь сильным и внезапным, что Николай повалился вперед, едва успев бросить вещи и выставить перед собой руки. А живая голова, не сбавляя скорости, рванула к его ничем не защищенному лицу.

Скрябин в последний миг всё же сумел податься чуть в сторону. Так что голова, метившая, должно быть, ему в нос, вместо этого цапнула зубами кожу на его виске. И отодрала полоску шириной и длиной примерно с фалангу большого пальца руки. По лицу Николая потекла кровь, а не-мертвая тварь чуть отскочила – явно намереваясь повторить свое нападение.

Однако тут случилось нечто и впрямь из ряда вон выходящее.

Живая голова, вкусившая крови, совершила боевой разворот и подпрыгнула на своей укороченной шее. Но затем – внезапно вздрогнула, её повело назад, и она упала затылком вниз. Секунду или две она просто лежала, а потом её вытаращенные глаза начали моргать: часто-часто, всё убыстряя движение век, так что ресниц вскоре стало почти не видно – как крыльев птички колибри во время полета. Должно быть, голова безумно удивлялась. И было чему.

Неожиданно, без всяких внешних воздействий, живая голова начала усыхать, съеживаться, и за несколько секунд уменьшилась в размерах чуть ли не вдвое. Кожа на лице макошинской покойницы сморщилась и собралась складками, черты сделались неопределенными, а глаза запали. Мало того: грива густых волос, в которых недавно запуталась нога Скрябина, вмиг поседела и поредела. Потом голова разинула рот и сделала, как показалось Николаю, резкий выдох. Но, конечно, что-либо выдохнуть при отсутствии легких она не могла. Вместо воздуха жуткая тварь исторгла целую пригоршню крошащихся темных зубов, что выпали из её десен.

Скрябин сидел на траве, зажимал рукой пораненный висок и с потрясенным видом взирал на стремительные метаморфозы «живой головы». После выплевыванья зубов не прошло и десяти секунд, как голова – уже старушечья – судорожно дернулась, перекатилась с боку на бок, а затем глаза её мигнули в последний раз и закрылись. Судя по всему, теперь уже навсегда.

8

Степан Варваркин весь вечер просидел на лавке возле печи, возясь для виду с какими-то перепутанными рыболовными снастями. Ни распутать их, ни вообще хоть что-либо с ними сделать старик и не пробовал. Его подернувшиеся дымкой глаза почти не видели того, что находилось у него в руках.

Одгако, прислушиваясь к голосам в голове, Степан Пантелеймонович слышал и то, о чем с его женой Евдокией Федоровной говорила приезжая девица – помещенная Гришкой Петраковым на постой в дом Варваркиных. Петраков называл её ласково *Ларочка*, а она его фамильярно – *дядя Гриша*.

Ларочка эта была особа хоть и молодая – лет двадцати, но, с точки зрения деда Степана, не особенно привлекательная. Худая – как говорится, подержаться не за что, – да еще и в очках. Она прибыла в Макошино в десятых числах мая. И привезла с собой два чемодана вещей, но не со шмотками-тряпочками, как можно было бы подумать, а всё с какими-то бумагами да книжками. Маленькую выгородку в углу кухни, которую старики ей выделили, эта самая Лара тут же своими книжками и завалила. Один раз, когда гостья отлучилась из дому – а отлучки её были весьма частыми, – Евдокия Федоровна в одну из её книжиц тайком заглянула. И потом поведала деду, что никакая это оказалась не книжка, а альбом – наподобие фотографического. Только вклеены в него были не карточки, а вырезки из газет: старые и желтые.

Так вот, Лариса Владимировна (как Григорий Петраков велел именовать постоялицу), оказалась девкой образованной, да к тому же еще и москвичкой. В ответ на расспросы бабы Дуни приезжая рассказала, что она учится заочно в Московском историко-архивном институте и при этом работает аж в Библиотеке имени Ленина! Каким ветром занесло московскую библиотекаршу в Макошино – Бог знает. Сама Лариса твердила о каких-то исторических изысканиях, необходимых ей для написания дипломной работы, но в чем их суть, объяснять не желала. Сведениями на сей счет обладал, надо думать, прохиндей Петраков. Однако он про то помалкивал.

Сейчас эта Ларочка и баба Дуня пили чай, сидя за накрытым клеенкой столом. И старая женщина изливала наболевшее:

– Да пусть бы шастали, пусть!.. Мы уж и привыкли! Только б нас не трогали. Но ведь они, проклятые, теперь так просто не уйдут. Сама знаешь, им надобно. Они ведь хотят получить…

Но она не договорила – её слова прервал громкий стук: кто-то начал долбить кулаком в калитку дома Варваркиных. И с улицы донесся молодой мужской голос:

– Эй! Есть кто дома? Степан Пантелеймонович! Евдокия Федоровна!

Баба Дуня и её жиличка переглянулись.

– Кого еще черти принесли? – пробормотала старуха.

Нехотя она поднялась из-за стола, набросила на плечи легкий полушалок и вышла из горницы в сенцы. И Лариса – русоволосая сероглазая девушка в очках, высокая и стройная, облаченная в простенькое домашнее платье, – последовала за ней.

Глава 5. Явь и Навь

26-27 мая 1939 года. Ночь с пятницы на субботу

1

Степан Варваркин бросил опостылевшие ему рыболовные снасти, поднялся со скамьи и тоже вышел на крыльцо. Из-за высокой калитки во двор заглядывал рослый парень: со встрепанными черными волосами, окровавленной физиономией и огромными, чуть ли не в пол-лица, глазами. Старику Варваркину почудилось даже, будто глаза эти горят зеленым огнем.

– Ты кто такой будешь? – не сходя с крыльца, обратилась баба Дуня к незваному гостю.

– Я – знакомый вашего зятя, Савелия Пашутина. Он сказал, что к вам можно обратиться в случае чего. Моя фамилия Скрябин, я здесь по делу.

– По какому такому делу? – спросил дед Степан; голос его прозвучал резко и гортанно, словно он плохо слышал самого себя.

– Послушайте, – громко и внятно произнес долговязый брюнет, решив, очевидно, что хозяин дома туговат на ухо, – я не хотел бы говорить об этом на всю улицу. Можно мне войти?

– Что ж, входи, – разрешила Евдокия Федоровна. – Калитка изнутри на щеколду заперта, так ты её отодвинь – рука твоя, поди, до неё достанет.

Парень, по виду – явно горожанин, открыл калитку и прошел во двор, держа в руке чемодан и сжимая под мышкой какой-то округлый сверток. Его пиджак и рубашка были перепачканы кровью, галстук съехал набок, а на левой штанине зияла огромная прореха с рваными краями.

«Собака, должно быть, на него набросилась, – подумал дед Степан, но затем спохватился: – Хотя собак сейчас в Макошине ночью не встретишь!..»

И несостоятельность предположения о собаке тут же подтвердилась. Пёс Варваркиных, крупный лохматый «дворянин» по кличке Валдай, услыхал голоса во дворе, вылез из конуры и, взлаяв басом, кинулся было на незнакомца. Но не успела баба Дуня отозвать пса, как он сам, не добежав до Скрябина, вдруг притормозил и стал нюхать воздух. После чего развернулся, с жалобным поскуливанием взбежал на крыльцо и прижался боком к ноге деда Степана.

– А ну, стой, где стоишь! – крикнула гостю Евдокия Федоровна. – Знаем мы, от кого собаки так бегают!.. Тащи топор, Стёпа!..

Но супруг её не сошел с места. Увидав, что произошло с Валдаем, он будто закаменел.

– Эй, эй, успокойтесь! – Молодой человек опустил на землю и чемодан, и круглый предмет, завернутый в габардиновое пальто песочного цвета, а затем поднял руки ладонями вверх, демонстрируя безоружность. – Я ничего дурного вам не сделаю! Мне нужна ваша помощь.

– Помощь ему нужна! – озлилась бабка Дуня. – Тогда, ежели ты православный христианин, читай сей же час «Да воскреснет Бог»! Прочтешь – поможем тебе, а не прочтешь – стало быть, ты не христианин, а, может, и не человек. И уж тогда…

Что *тогда* собиралась сделать старуха с подозрительным пришлецом – оставалось только гадать.

– Отчего ж не прочесть – прочту, – кивнул Скрябин и, осенив себя крестным знамением, стал произносить Молитву Честному и Животворящему Кресту, которая в народе считается первейшим средством борьбы с нечистой силой: – *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие его. Яко исчезает дым, да исчезнут…*

И тут деду Степану стало совсем худо. Едва встрепанный гость начал творить молитву, как мерзостно-глумливый голос в голове у старика забормотал: «Да растреснет лоб, да растреснет лоб, да растреснет лоб…», не боясь кары за перевирание священного текста.

Про лоб коварный бормотун упомянул неспроста. Несчастный старик только сегодня утром в искушении глядел на угол русской печи и представлял, что будет, ежели он, Степан, вот сейчас разбежится и с размаху ударится об него лбом?

– *…Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю…* – продолжал читать молитву ночной гость, а баба Дуня шепотом повторяла её слова следом за ним.

Затем к молитвенным словам присоединилась Лариса, и уже в три голоса они закончили:

– *…И даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.*

И наступила, наконец, блаженная тишина – в голове у старика. А Евдокия Федоровна, перекрестившись на слове «Аминь», проговорила:

– Заходи в дом, мил человек. И уж извини, что мы тебя поначалу так приняли. У нас тут такие дела творятся…

Молодой человек подобрал с земли свои вещи и поднялся на крыльцо, с которого тут же сбежал Валдай – метнувшись в свою конуру. Старики Варваркины первыми вошли в сенцы, а вот Лариса задержалась в дверях, пропуская в дом гостя и глядя на него из-под очков расширившимися от удивления серыми глазами. А уж гость, когда разглядел жиличку Варваркиных как следует, и вовсе чуть не упал, оступившись на ровном месте.

2

Уже перевалило за полночь, и Николай подумал, что наверняка во всем Макошине свет остался гореть лишь в доме Варваркиных. Старший лейтенант госбезопасности сидел теперь на узкой кровати Ларисы Владимировны, сдвинув в сторону многочисленные книги и альбомы. Он успел умыться возле рукомойника в доме и даже сменил рубашку на чистую – извлеченную из чемодана. Вот только поменять брюки и пиджак ему было не на что: в его чемодане, помимо белья, носовых платков и туалетных принадлежностей, находился один только краснодеревный ящичек, полученный от Валентина Сергеевича.

Из сенцев доносилось приглушенное мычание: старики Варваркины, как и сказал давеча Савелий, по ночам прятали там свою корову. Николай мельком видел её, когда заходил в дом, и отметил в буренке одну особенность – которой, впрочем, никакого значения в тот момент не придал. Его слишком потрясла встреча, случившаяся на крыльце. Эту девушку – которая его тоже словно бы узнала – он уже *видел раньше*.

А она, заметив ссадину на виске гостя, зазвала его в свой закуток, принесла откуда-то пузырек с йодом и лейкопластырь, и занялась обработкой навьего укуса.

– Ваше лицо, товарищ Скрябин, мне знакомо! – будто между делом заметила она.

«Да и ваше – мне знакомо», – чуть не сорвалось у Николая.

– Я видела вас на фотографии, – продолжала девушка, наклеивая лейкопластырь ему на висок, – у моей соседки по квартире. В Москве.

– У соседки? – удивился Скрябин; у него было прежде несколько *дам сердца*, но ни одной из них он своих карточек не дарил.

– Ну да. Полагаю, вы её знаете – это Елизавета Павловна Коковцева.

– Ах, вот оно что!.. Да, я знаю её: она в прошлом была и моей соседкой тоже. И она как-то на Новый год сфотографировалась со мной и моими однокурсниками по МГУ.

– Да, да, – заулыбалась Лара, – фотография была именно такой: десяток юношей, и вы среди них, а рядом Елизавета Павловна в какой-то старорежимной шляпке. А вы в какой комнате жили? Не в угловой, случайно?

– Именно в ней. Уж не её ли вы сейчас занимаете?

Скрябин думал, что уже ничему не сможет удивиться, и вот вам – пожалуйста.

– Угадали! Но мы с вами, между прочим, так и не познакомились. Ваша фамилия Скрябин, а имя-отчество?..

– Николай Вячеславович. А как вас зовут, разрешите поинтересоваться? И какими судьбами вы здесь очутились?

«А главное – когда вы собираетесь отсюда уезжать?» – хотел спросить он заодно. Но потом решил – не стоит. Завтра утром он самолично отвезет эту девушку в райцентр и там посадит на первый же поезд, идущий в Москву.

– Я – Рязанцева Лариса Владимировна. Работаю в Ленинской библиотеке – в отделе редких рукописей. – Она сама будто смутилась той торжественности, с какой это произнесла, и добавила: – Обычно туда не берут без законченного высшего образования, но для меня сделали исключение, поскольку я неплохо знаю немецкий и английский, и по-латыни читаю – папа научил. А сейчас я заканчиваю заочно Историко-архивный институт и пишу дипломную работу по русскому фольклору. Вот и приехала сюда за материалами.

– Рязанцева… Ваш папа – который учил вас иностранным языкам – он, случайно…

Но задать свой вопрос он не успел: в дверь заглянула баба Дуня и потребовала:

– Давайте-ка, идите к столу. А то ночь на дворе, нам с дедом пора уж спать ложиться.

И Николай вышел следом за Ларисой из её каморки, отделенной от кухни дощатой перегородкой.

– Чем богаты, тем и рады, – говорила Евдокия Варваркина, выставляя на стол чугунок с остывшей картошкой в мундире, миску с прошлогодними солеными огурцами и уполовиненную буханку черного хлеба. – Уж не погнушайтесь, откушайте…

У Скрябина уже много часов маковой росинки во рту не было, так что нехитрым угощением он отнюдь не погнушался.

3

– Кто же это лоб-то вам раскровенил? – спросила Евдокия Федоровна, когда Николай закончил есть.

И он хотел уже выдумать какую-нибудь безобидную историю, но потом глянул на свой сверток, лежавший на полу, и понял: с ним так или иначе придется что-то делать.

– На меня напал кое-кто, – сказал он и подтянул круглый предмет к себе поближе. – Или, быть может, *кое-что*. Сейчас я вам *это* покажу, только вы не пугайтесь.

– А мы не из пугливого десятка, – усмехнулась бабка, однако от гостя своего несколько отодвинулась.

Приподняв своё многострадальное летнее пальто за рукав, Скрябин встряхнул его. И на пол вывалилась сморщенная, будто прокопченная голова: с растрепанными седыми волосами и с неровными ошметками кожи понизу шейного обрубка. Казалось, от туловища её в самом прямом смысле оторвали.

– Пресвятая Богородица, спаси нас!.. – закрестилась баба Дуня.

– Хотите верьте, хотите нет, но еще полчаса назад *она*, – носком ботинка Николай ткнул мерзкий предмет, – форменным образом пыталась меня покусать.

– Не покусать – кожу содрать, – будто с усилием выговорил старик Варваркин.

– Да, пожалуй, что так, – кивнул Скрябин и непроизвольно коснулся пальцами пластыря на виске. – Для вас, как видно, такие вещи не в диковинку?

– Мы тут всякого навидались, – ответила за мужа баба Дуня. – А вы, часом, не следователь будете?

– Следователь, – кивнул Скрябин, – из НКВД. Главное управление госбезопасности.

Лариса едва заметно кивнула – словно её ожидания оправдались. Дед Степан будто и не услышал его слов. А баба Дуня проговорила без всякого такта:

– Вот то-то я и вижу: в Макошине следователей нынче – как собак нерезаных. А что проку? Петраков Гришка – следователь, из Москвы целый выводок следователей понаехал, а людям после захода солнца из дому выйти нельзя!

– Евдокия Федоровна, ну, зачем вы так… – произнесла Лара – явно размышляя при этом о чем-то другом.

– А что – Евдокия Федоровна! – вскинулась та. – Нешто ты не знаешь…

Она осеклась на полуслове. Девушка, только что пристально глядевшая на *неживую* голову, вдруг сорвалась с места и ринулась в угол кухни, где была её выгородка.

– Куда ты? – воскликнула старуха. – Вот ведь шальная девка!..

Но Лара вернулась очень быстро – держа в руках какой-то альбом, похожий на фотографический. Усевшись рядом с Николаем, она стала торопливо переворачивать страницы, а затем издала торжествующий возглас и в раскрытом виде протянула альбом Скрябину. На картонной страничке красовалась приклеенная вырезка из какой-то дореволюционной газеты. И Николай начал вслух читать абзац, который был обведен красным карандашом:

– «Нам сообщают, что ввиду суровой зимы в окрестностях села Пятницкого появилось много волков. Было несколько случаев нападения на проезжавших и проходивших по дорогам людей. Один из таких случаев окончился трагически: напавшие волки загрызли одну крестьянку, причем от несчастной осталась одна голова».3[3]

– Батюшки! – всплеснула руками баба Дуня. – Да как же я сразу-то не догадалась? Это же Матреша Вострикова, которую еще до империалистической войны волки заели! Только ведь она молодая была: лет двадцати пяти, не более!

– Когда я повстречал *её голову* пару часов назад, она и выглядела на двадцать пять, – сказал Скрябин.

– А что же с ней за это время произошло? – удивилась Лариса Рязанцева. – И как вам удалось её умертвить? В смысле, упокоить – она ведь и так была мертва.

– Расскажу, – пообещал Николай. – Но сперва посмотрю ваш альбом.

4

– Выходит, вы, Лариса Владимировна, тоже знаете про навей, – констатировал Скрябин; он медленно перелистывал альбом с вырезками.

Газетные заметки, подклеенные в него, рассказывали об утонувших в Оке купальщиках, о лесорубах, зашибленных деревом, а в одной даже шла речь о человеке, которого забодала его собственная корова. Но больше всего было информации о самоубийцах, разнообразными способами наложивших на себя руки.

– Знаю, – подтвердила Лара. – И даже больше, чем вы можете себе представить. Думаете, почему я сюда приехала?

– Я полагал – собирать материалы для дипломной работы.

– Верно. И тема моего диплома – «Инфернальная мифология славянских народов».

Старший лейтенант госбезопасности только присвистнул в изумлении и воззрился на девушку, как на восьмое чудо света.

– И кто же вам, интересно, такую тему утвердил? – спросил он.

– Нашлись люди. – Лара усмехнулась невесело. – Сейчас, увы, их уже нет на кафедре. Но речь не о том. Вам что-нибудь известно о древнеславянской богине Макоши?

– Молчала бы ты лучше, – неожиданно подал голос дед Степан.

И у Скрябина в голове мелькнуло: «А уж не он ли – тот *руководитель*, о котором говорилось в письме?» Однако сейчас он думал со Степаном Варваркиным одинаково.

---

[3] Заметка в точности такого содержания, только с указанием другого населенного пункта, была опубликована в газете "Тульская молва" за 9 февраля 1913 года.

– Я уверен, что вы, Лариса Владимировна, знаете о древнеславянском пантеоне намного больше меня, – сказал Николай. – И я с огромным интересом вас послушаю. Но сперва нужно что-нибудь сделать вот с этим. – Он кивнул на безобразную голову, так и валявшуюся на полу. – Не могли бы вы, Евдокия Федоровна, дать мне какую-нибудь большую коробку, а лучше – сундучок с замк*о*м? Тогда я смог бы поместить в ваш погреб чертову голову… Ну, то есть – смог бы поместить туда останки Матрены Востриковой.

– Я вам сейчас кое-что другое принесу, – сказала старуха.

Она вышла в сенцы и вернулась оттуда, держа в руках благоухающий огуречным рассолом бочонок. Голова в него легко поместилась, и донышко бочонка встало намертво, законсервировав страшный трофей Скрябина. После этого баба Дуня открыла дверцу кухонного подполья и принесла керосиновую лампу: электричество в погреб проведено не было.

– Давайте, я полезу вперед и посвечу вам, – предложила старуха.

– Ни в коем случае! – сказал Николай. – Не хватало еще мне вас вверх-вниз по лестнице гонять. Я себе и сам посвечу: лампу – в руку, бочонок – под мышку.

Ловко, как заправский матрос по трапу корабля, Скрябин спустился вниз и уже из погреба подал голос:

– Куда бочонок-то ставить, Евдокия Федоровна?

– В угол его, в угол! – крикнула бабка. – Только ты посмотри, чтоб он стоял припасов подальше.

И – да: Николай осмотрел весь погреб целиком, чтобы *уж точно* отыскать место, от продуктов питания самое удаленное. Только минут через десять он выбрался наружу – со словами:

– Ну, вот и всё. Сейчас я вымою руки, и тогда…

Но никакого «тогда» не получилось. Откуда-то из отдаления донесся вдруг резкий сухой хлопок, и все, кто находился в варваркинском доме, вздрогнули. Чуть погодя звук повторился, а затем последовала целая череда беспорядочных, сливающихся один с другим выхлопов, будто кто-то в Макошине решил устроить подобие праздничного фейерверка.

– Господи, помилуй! – Баба Дуня снова начала креститься. – Кажись, стреляют! Небось, эти, оглашенные, которые коровник стерегут!..

– Какие еще оглашенные? – насторожился Николай.

– Ну, те, кого Гришка Петраков на это сагитировал – следователи, которых в школе поселили, – пояснила старуха непонятливому гостю.

– И далеко этот коровник находится? – быстро спросил Скрябин.

– За селом, – ответила за бабу Дуню Лара. – Только ночью в одиночку вы его не отыщете! Я с вами пойду – укажу дорогу.

Евдокия Федоровна при этих словах заохала, но Николай возражать не стал.

– Буду благодарен за помощь, – сказал он.

Ему было точно известно, что посреди ночи опасность Ларисе не грозит. Тот сон, что привиделся ему, ясно показывал: когда девушку топили в реке, а он не сумел её спасти, летнее солнце стояло в зените.

5

Константин Крупицын, капитан государственной безопасности, чувствовал себя погано. Не думал он и не гадал, отправляясь в Макошино во главе следственной группы, что выйдет из всего этого вот такая петрушка!

А ведь поначалу ничто катастрофы не предвещало. Когда в середине мая Константин Андреевич прибыл в село и отрапортовал в Москву, что информация об убийствах подтвердилась, ему – вдобавок к Денису и Эдику Адамяну – прислали на подмогу опытного Самсона Давыденко и весьма неглупого Женю Серова. Да и прокурорский следователь Петраков изъявил желание оказывать сотрудникам НКВД всяческое содействие.

Даже с явно ненормальным характером этого дела они как-то свыклись. После того, *что* Крупицын и его подчиненные узнали год назад – и о чем обязались молчать – их трудно было чем-то по-настоящему удивить.

Но как-то утром Константин Андреевич полез в сейф за документами и обнаружил: пузырь с «бодрящими» таблетками (выданный ему при отъезде сюда в непочатом виде), практически опустел. Лишь несколько пилюль осталось на его донышке. А ведь Григорий Петраков, когда передавал несгораемый шкаф Крупицыну, заверил его, что к нему имеется один-единственный ключ! Получалось: либо Петраков соврал, либо кто-то из своих же сотрудников, людей ушлых и рукастых, сумел вскрыть «медведя» – а потом еще и запереть его, что гораздо труднее.

Но таблеток было уже не вернуть, и Крупицын сделал вид, что ничего не заметил. Однако стал за подчиненными приглядывать.

К примеру, Самсону Давыденко он изначально не особенно доверял. Наглый честолюбец наверняка хотел сам возглавить следственную группу! Дискредитировать Крупицына, обвинить его в халатности – что могло бы вернее отдать ему бразды правления?

Да и собственный двоюродный братец Дениска, напросившийся с Константином Андреевичем в Макошино, тоже хороший оказался аспид. Возомнил себя гением криминалистики, начал тут вести какое-то собственное расследование – тишком, молчком, никому ничего не говоря. Каждый вечер уходит куда-то, а возвращается за полночь. Тоже, надо думать, решил выставить Крупицына полным дураком – родственничек, называется.

Эдик Адамян тоже повел себя не лучше. А ведь Крупицын знавал еще Арама, его отца: вместе с ним начинал работать в НКВД. И после того, как Адамян-старший в 1937-м году при загадочных обстоятельствах выпал из окна своей квартиры, взял шефство над его сынком. Эдик же теперь свел дружбу с Женькой Серовым, который люто ненавидел Крупицына за то, что тот назвал его как-то *бледным хахалем*, и прозванье это к Серову так и приклеилось!

Имелась у Константина Андреевича и еще одна проблема, имя которой было – Лариса Владимировна Рязанцева. Её приезд в Макошино никак не вписывался в разработанный Крупицыным план по обезвреживанию здешних преступников – попиравших своими деяньями не только законы СССР, но и законы природы! И капитан госбезопасности вежливо предложил очкастой девице заняться историческими изысканиями где-нибудь в другом месте. Но эта Ларочка (которой неизвестно почему – а, может, и по самой банальной причине) покровительствовал Петраков, оказалась девкой настырной и неуемной. Уезжать она отказалась категорически, всюду совала свой нос, задавала всяческие вопросы и даже пыталась получить доступ к следственным документам.

«Не хватало только, чтобы сюда прислали кого-нибудь «Ярополка»! – думал Константин Андреевич по нескольку раз на дню. – Чтобы эти умники начали здесь всем заправлять да выпендриваться!»

И – хоть он этого не произносил вслух, всё-таки накаркал. Вчера пришла телеграмма из ГУГБ, извещавшая, что сюда едет знакомец Константина Андреевича, Николай Скрябин. Как говорится – из молодых, да ранний. Сказать, что капитан госбезопасности разозлился – значило бы не сказать ничего. Однако полученная телеграмма не только вывела его из себя, но и сильно обеспокоила. Руководитель проекта «Ярополк», чья подпись стояла под телеграммой, явно предвидел серьезные осложнения в этом деле, однако даже не дал себе труда разъяснить, чего именно следует опасаться.

Впрочем, в это Константин Андреевич решил вникнуть позже. Телеграмму он спрятал и никому ни слова о ней не сказал. Не до разговоров ему было. Он ломал голову, как ему не ударить перед Скрябиным лицом в грязь, не допустить, чтобы тот счел его неумехой, провалившим порученное ему расследование. По этой-то причине Крупицын и ввязался минувшим

днем в предприятие сомнительное и рискованное, но зато сулившее скорое раскрытие макошинского дела. Если бы он только знал, как всё повернется!..

6

Баба Дуня долго уговаривала двух «скаженных» не ходить никуда посреди ночи. А когда поняла, что всё без толку, успокоила себя тем, что снабдила их в дорогу солью.

И вот теперь Николай быстро шагал следом за Ларой, а свет керосиновой лампы, которую она держала в руках, едва рассеивал непроглядную черноту вокруг. Свой домашний наряд девушка сменила на шерстяное клетчатое платье, где в двух карманах лежала соль. Переоделся – по крайней мере, частично, – и Скрябин. Вместо рваных костюмных брюк старуха Варваркина выдала ему застиранные рабочие штаны деда Степана, которые Николаю были коротковаты и сильно широки в поясе, но выбирать не приходилось. Утянув обновку своим ремнем, он невольно усмехнулся, представив, как выглядит со стороны: в пиджаке, перепачканном кровью и с оттянутыми солью карманами, в рубашке без галстука и в стариковских штанах защитного цвета.

– Расскажите мне пока о вашей дипломной работе! – предложил он, когда они с Ларой пустились в путь. – Какое место в ней занимают нави?

– Одно из центральных мест, разумеется. Ведь более мрачных и зловещих персонажей в славянской мифологии, пожалуй, и не сыщешь. Первое письменное упоминание о них я нашла в «Повести временных лет» – там описывается нашествие навей на Полоцкое княжество в 1092 году. По ночам с улиц половецкой столицы стал доноситься громоподобный топот, будто там резвились невидимые табуны лошадей. А те жители, которые ради любопытства выходили из своих домов, были поражены «от бесов язвою» – то есть, какой-то неизвестной смертельной болезнью. Кроме того, летописец указывает, что нави стали затем «в дне являтися на кони», и что они «биют полочаны» – то есть бьют половчан.

– Бьют – в смысле *убивают*?

– Ну да. И не только насылая эпидемии, но и сдирая кожу, высасывая кровь. Ведь не зря же в народных поверьях нави зачастую соотносятся с упырями! Однако об их зверствах – ни в здешних краях, ни где-либо ещё, – давным-давно уже ничего не было слышно. Потому-то я и ринулась в Макошино, когда узнала… – Девушка вдруг замолчала – видно почувствовала, что сболтнула лишнего.

Но Скрябин и так уже всё понял.

– Выходит, вы с самого начала знали, кто здесь орудует, – сказал он. – Но когда вы успели собрать целый альбом вырезок с описанием *подходящих смертей*? Либо самоубийств, либо таких, в которых были повинны силы природы: волки, деревья в лесу и тому подобное. Ведь как раз такие покойники в навей и превращаются. Кто вам помогал в ваших изысканиях?

– Об этом долго рассказывать. А мы вот-вот будем на месте.

– Понятно. Ну, тогда – два коротких вопроса. Во-первых, почему у навей нет спин? И, во-вторых, едят ли они сырое мясо?

– Не у всех навей нет спин, – ответила Лара – явно радуясь, что Скрябин не стал требовать от неё немедленных объяснений. – Только у тех, кто был похоронен в гробу: в саване или в иной погребальной одежде. Считается, что когда нави восстают из могил, их спины остаются прилипшими к саванам. Ведь людей, умерших плохой смертью, снизу должно припекать адское пламя, и плоть их словно бы вплавляется в одежду. А что касается рациона навей, то они, хоть и могут пить кровь, но едят только ту пищу, которую употребляли, будучи живыми людьми. Ну, вот мы и добрались!

Тропа, по которой шли Лара и Николай, обогнула небольшую сосновую рощицу. И прямо за поворотом обрисовался силуэт длинного одноэтажного строения с тускло светящимися под самой крышей окошками. С той стороны доносились испуганное многоголосое мычание и перекрывающая его по громкости вычурная матерная брань.

7

Распахнутая дверь в торце длинного здания выпускала наружу сноп желтоватого электрического света. И в этом свете Николай узрел на крыльце коровника Самсона Давыденко. Тот махал рукой с зажатым в ней карманным фонарем – подавая знаки водителю грузовичка-полуторки, который подъезжал к крыльцу задним ходом. А с уст Самсона беспрерывно срывались всё новые и новые непарламентские выражения.

– Ваш коллега, как я понимаю? – спросила Лара.

– Правильно понимаете, – усмехнулся Скрябин.

Тут Самсон заметил, наконец, приближение странной парочки с керосиновой лампой. И вскинул пистолет – который, оказывается, был в другой его руке.

– А ну, стоять! – гаркнул он. – Стреляю без предупреждения!

– Давыденко, это я, Скрябин! – крикнул Николай. – Будь другом, опусти оружие!

Рука Самсона упала, а на лице его возникло смущенно-изумленное и одновременно испуганное выражение.

– Товарищ Скрябин? – выговорил он. – Как же вы тут очутились?

Еще со времени их прошлогоднего знакомства в Крыму он обращался к Скрябину только на *вы*, а тот к нему – на *ты*. И не только потому, что Николай был старше по званию. Если б Скрябин вздумал ему «выкать», Давыденко, пожалуй, воспринял бы это как издевку.

– Я прибыл в командировку. И считал, что вас об этом известят. – Подойдя к крыльцу, Николай взошел на первую ступеньку, но затем замер на месте: по дощатой поверхности расползалось подозрительное пятно, казавшееся черным в тусклом свете.

– Да, это кровь, – кивнул Самсон. – У нас тут, если честно, не всё ладно…

И будто в подтверждение его слов из коровника донесся стон – тяжкий и жалобный.

– Здесь что – еще с одной коровы шкуру содрали? – Николай обошел пятно и поднялся по ступеням.

– Нет, – вздохнул Давыденко, – эта кровь – не коровья. Хотя коровенкам тоже досталось…

И Скрябин больше вопросов задавать не стал – переступил порог. Но сперва пропустил вперед Ларису Рязанцеву. Самсон, оставшийся снаружи встречать машину, покосился на девушку, но ничего не сказал.

Вдоль всего здания шел довольно просторный проход, по обеим сторонам которого располагались загоны с мычащими на разные голоса буренками. А неподалеку от входной двери лежал на полу незнакомый Скрябину гражданин лет пятидесяти на вид, в отутюженных брюках и белой рубашке без галстука. От неё кто-то оторвал понизу длинную широкую полосу, которая теперь перетягивала с правой стороны грудь мужчины; по белой ткани расползалось кровавое пятно. Несомненно, раненый гражданин и стонал только что. При появлении Николая и Ларисы он страдальчески закатил глаза и вновь тяжко выдохнул. И на губах его при этом начала пузыриться красная пена. «Пробито легкое, – понял Николай. – Похоже, для этого бедолаги и подгоняют к крыльцу полуторку».

Рядом с раненым, придерживая его голову, стоял на коленях Эдик Адамян; руки его были сплошь перепачканы кровью. А подле этих двоих застыл, как истукан, еще один неизвестный в штатском, судя по всему – деревенский житель.

Но – по крайней мере, то были фигуры стабильные, устойчивые. Все же остальные люди, находившиеся здесь, словно бы задались целью воспроизвести модель броуновского движения.

По длинному проходу бегал с фотоаппаратом в руках Денис Бондарев, что-то высматривая на полу и время от времени делая снимки. Его двоюродный брат Константин Крупицын, обхватив руками голову, ходил кругами по маленькой, отгороженной от коровьих загонов каморке возле входа (предназначавшейся, видимо, для бригадира). И, судя по движениям губ, изъяснялся нецензурными междометиями. Ему отвечал что-то – эмоционально жестикулируя

– некий мужчина в пиджачной паре: лет тридцати на вид, но уже лысоватый и с изрядным брюшком. И, наконец, Женя Серов с потерянным выражением лица собирал осколки от разбитой электрической лампочки, качавшейся под потолком на витом шнуре.

Скрябин остановился у двери и пару раз громко кашлянул. Но на это не обратил внимания никто, кроме лежавшего на полу человека, который спросил жалобно:

– Вы – доктор?

Вот тут-то все головы и повернулись в сторону старшего лейтенанта госбезопасности. И тот произнес:

– Доброй всем ночи.

– Здравия желаем, товарищ Скрябин! – за всех поприветствовал его Крупицын – единственный, кто явно не удивился его появлению. – Вас прямо Бог послал. Мы вот с товарищем Петраковым, – он указал рукой на лысоватого, – только что про вас говорили.

Крупицын будто и не заметил, что Николай одет как клоун, и что на пиджаке у него запеклась кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.